
ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Завод «Электроцинк» в городе Орджоникидзе (Северная Осетия). Разлив свинца.
Фото В. Темина.

На первой странице обложки: Крестьянка Бак Тхи Дыа из деревни Чыонг-Ли (Демократическая Республика Вьетнам).
Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 51 (1488) 18 ДЕКАБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

К 76-летию со дня рождения

СРЕДИ ДРУЗЕЙ

Население новых и новых городов Бирмы и Индии горячо встречало гостей Советского Союза — Председателя Совета Министров СССР Николая Александровича Булганина, Члена Президиума Верховного Совета СССР Никиту Сергеевича Хрущева, и сопровождающих их лиц.

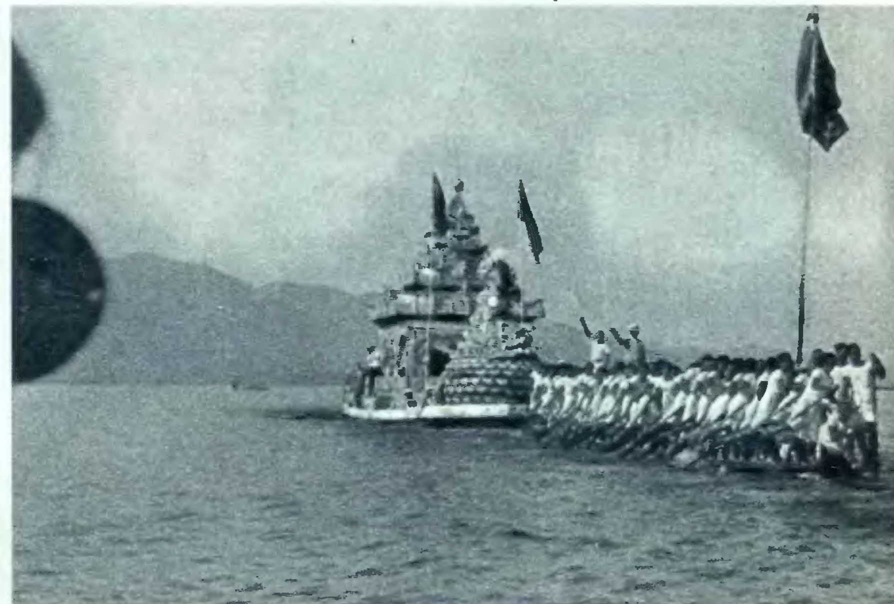
После посещения Бирмы Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев возвратились в Индию и посетили индустриальный район в долине реки Дамодар; город Джайпур — столицу штата Раджастан; самую северную часть Индии — Кашмир и затем вновь направились в Дели.

13 декабря во дворце президента Индии «Раштрапати Бхаван» состоялось подписание Совместного Заявления Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина, Члена Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева и Премьер-Министра Индии Джавахарлала Неру. В Заявлении подтверждается твердое убеждение руководящих деятелей Советского Союза и Индии, что международные отношения должны основываться на Пяти Принципах и что следует сделать все возможное для смягчения международной напряженности и содействия делу упрочения мира и сотрудничества между странами. «Посещение Индии Н. А. Булганиным и Н. С. Хрущевым,— говорится в Заявлении,—является исключительно важным событием не только потому, что оно сблизило обе страны, но также и потому, что оно служит делу всеобщего мира».

В БИРМЕ

В день прибытия Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Рангун мэр города У Сейн Пе устроил в их честь «гражданский прием» в зале муниципалитета. На приеме присутствовал Премьер-Министр Бирманского Союза У Ну.

Утром 5 декабря советские гости присутствовали на военном параде в бирманском городе Маймьо.

В ИНДИИ

Бирма. Прогулка на «королевской барже» по озеру Инле.

Бирма. Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев принимают подарки.

Во время посещения джутовых фабрик, расположенных в предместьях города Хоура недалеко от Калькутты.

Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев посетили плантацию чая и кофе неподалеку от индийского курортного города Утакамунда.

Индийцы использовали каждую возвышенную точку, чтобы увидеть советских гостей.

Так встречала Калькутта гостей из Советского Союза.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

8 декабря в Москву по приглашению Верховного Совета СССР прибыла делегация сейма Польской Народной Республики. Делегацию возглавляет маршал сейма Я. Дембовский. 9 декабря делегацию приняли Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР А. П. Волков и Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. Т. Лацис. На снимке: польская парламентская делегация на приеме в Кремле. А. П. Волков и В. Т. Лацис беседуют с главой делегации Я. Дембовским (крайний слева).

Фото А. Гостева.

«ПОГОДА СТОИТ ХОРОШАЯ»

Беседа с Председателем Совета Лондонского графства Норманом Дж. ПРИЧАРДОМ

Господин Норман Дж. Причард вошел в номер гостиницы, потирая руки с мороза, и, естественно, разговор прежде всего коснулся погоды.

— Холодно?

— Да. Мороз,— отвечает, улыбаясь, г-н Причард.— И столько снега, столько снега! В Лондоне никогда не бывает такого. А если выпадает, это доставляет нам массу неприятностей. Очень хотелось бы иметь в Англии такую же блестящую систему снегоуборки, как в Москве.

— Значит, снег и мороз не затруднили вашего пребывания у нас?

— Нет. Что вы! Мы посетили за эти несколько дней много интереснейших мест... Метро, школы, Кремль, строительство жилых домов, МГУ, Мавзолей... Как вам известно, Ленин жил в Лондоне и Совет Лондонского графства отметил мемориальной доской дом, где он проживал. Были мы и в библиотеке имени Ленина. Мне кажется, там немного тесновато, слишком близко стоят друг к другу стулья. Но это естественно: уж очень много людей у вас тянется к книге, очень много!.. А библиотека замечательная. Я там видел, например, первые издания нескольких английских книг.

— Каких именно?

— Многих. Для меня, как человека, особенно любящего Диккенса, было очень приятно увидеть, что у вас бережно хранится первое английское издание его «Давида Копперфильда», которое выходило в свое время частями.

— Господин Причард, с точки зрения, так сказать, хозяина города, что следовало бы перенять Лондону у Москвы и наоборот?

— Я уже частично ответил на этот вопрос,— говорит г-н Причард.— Например, систему снегоуборки. Что еще? Очень бы хотелось пожелать лондонскому метро быть таким же чистым, как московское. У нас, к сожалению, там бросают бумагу, окурки прямо на пол.

У вас сейчас строятся великолепные квартиры. По бытовым удобствам лондонские равны московским, но у вас комнаты гораздо выше. Очень хорошо делают в Москве, что обязательно отводят первые этажи новых домов под магазины. В Лондоне это тоже практикуется, но не в таком большом масштабе. А следовало бы... Вот очень коротко ответ на ваш вопрос.

— Благодарю вас, господин Причард, за добрые слова, которые вы сказали о нашей столице, но вы забыли о второй части вопроса: что Москве следовало бы перенять у Лондона?

Норман Причард на минуту задумывается и, разводя руками, отвечает:

— Должен вам сказать, что я как-то не припомню того, что Москве надо бы позаимствовать у Лондона... Вот разве что у вас маловато парков в самом центре города. В Лондоне их больше. Но я не уверен, следует ли из-за этого перестраивать центр...

Вообще, подытоживая наш разговор, я могу сказать,— продолжает г-н Причард,— раньше я считал, будто имею представление о Москве — по фото, по рассказам,— но город для меня оказался полным неожиданностей. А отсюда вывод: мы должны больше знать друг друга. Когда смотришь на вещи своими собственными глазами, убеждаешься, что иногда эти вещи оказываются совсем другими, чем ты думал о них раньше. Сегодня на обеде в Моссовете я говорил, что в результате таких визитов, как наш, люди лучше узнают друг друга и понимают, что народы разных стран хотят жить в мире, хотят жить дружно. Когда я вернусь в Лондон, я обязательно расскажу обо всем этом и о теплом приеме, который мы, англичане, встретили в вашей стране. И господин Яснов, вероятно, здесь рассказывал, как дружески его встречали в Лондоне.

— Если разрешите, господин Причард, я задам последний вопрос. Сейчас много говорят о «духе Женевы», и некоторые политические деятели заявляют, что он якобы «мертв». Каково ваше мнение?

— То, что господин Яснов был в Англии,— это «дух Женевы». Я и мои друзья в Москве — это тоже «дух Женевы». Этот дух не так-то легко убить. Правительства должны служить своим народам, а не наоборот. Я уверен, что в конечном счете простые люди будут решать судьбы мира. А «дух Женевы» живет в их сердцах, значит, он восторжествует...

— Мы начали наш разговор с погоды,— после паузы, улыбаясь, говорит Причард.— И закончим на том же. Погода стоит хорошая и в Лондоне и в Москве. Холода не мешают теплоте встреч!

В заключение г-н Причард обращается с просьбой:

— Мне хотелось бы написать несколько слов своей рукой, чтобы их прочитали мои советские друзья, читатели журнала «Огонек». Вы не возражаете?

As Chairman of the London County Council, and leader of the delegation now in Moscow, I wish to say how delighted we were to see Mr Yasnov and his colleagues again. We have happy recollections of his visit to London and I wish to thank him, and all our friends in Moscow who have made our visit so very pleasant.

Best wishes to the readers of the "ОГОНЁК".

Norman Prichard

11/12/55

Г-н Норман Дж. Причард вырывает из блокнота листок бумаги и пишет: «Как Председатель Совета Лондонского графства и руководитель делегации здесь, в Москве, я хочу сказать, как рады мы были снова увидеть г-на Яснова и его коллег. Мы сохранили счастливые воспоминания о его визите в Лондон, и я хочу поблагодарить его и всех друзей в Москве, кто сделал наше посещение таким приятным.

Наилучшие пожелания читателям «Огонька». Норман Причард. 11. XII. 55».

Б. ГАЛОВ

12 декабря в Кремле Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян принял находившуюся в Москве делегацию Совета Лондонского графства во главе с Председателем Совета Лондонского графства Норманом Дж. Причардом. На снимке: делегация (третий справа — Н. Дж. Причард) на приеме в Кремле у тов. А. И. Микояна.

Фото В. Соболева (ТАСС).

Фотокиногазета

В обеденный перерыв у фотокиногазеты.

Фото С. Розенфельда.

Перед нами обыкновенный стенд для стенной газеты. В центре — яркие цветные фотографии, справа и слева — светлые прямоугольники в темных рамках, с кнопками внизу. Достаточно нажать кнопки, и назначение прямоугольников становится ясным: это экраны для показа диапозитивов и кинопленки. На экране диапозитивов одна за другой возникают яркие сценки — идет республиканский праздник песни; затем проплывает заснеженный зимний пейзаж и цепочка лыжников у подножия холма.

Это стенная фотокиногазета фотокружка Эстонского института проектирования городского строительства. Она выходит уже второй год. Активные авторы газеты архитекторы Вольдемар Типпель, Олав Саммал, Уно Оландер, Адо Лайдре с увлечением занимаются цветной фотографией и сами делают диапозитивы. «Производством» фильмов для газеты ведает главный архитектор института Вольдемар Типпель. У него есть своя любительская кинокамера, и он снимает все значительные события в жизни института.

Как сделана газета? «Автоматика» ее несложна: в небольшом помещении между стеной и газетой установлены два проекционных аппарата. Нажатием кнопки включается релейная система, которая приводит их в действие. Изображение от проекционных аппаратов падает на экраны.

Н. ХРАБРОВА

НА ПОДСТУПАХ К ПАДУНУ

Между этими склонами протянется плотина ГЭС.

Среди живописных берегов несет свои светлые воды сибирская красавица Ангара — неугомонная, строптивая дочь седого Байкала. И меж скалистых утесов и на равнинных местах она все так же сильна и стремительна. У рабочего поселка Братск, где около 300 лет назад русскими землепроходцами был основан Братский острог, вольный бег реки сковывают скалы. Величава и могуча она на Падунском пороге — самом большом на Ангаре. В этом месте русло на протяжении полутора километров понижается на 15,5 метра. Этот спад создает мощный напор воды.

Рокот Падуна слышен на несколько километров в округе. А когда стоишь у пенистых, кипящих перекатов, кажется, что под ногами дрожит земля.

Братская ГЭС, вторая на Ангаре, крупнейшая в мире, сооружается в исключительно трудных природных условиях, вдалеке от промышленных центров. Поэтому в первую очередь здесь должна быть создана широкая сеть подъездных путей, которые надежно обеспечивали бы стройку всеми необходимыми материалами. За короткий срок на левом берегу построена 30-километровая автодорога Братск — Падун, по которой идут грузы на строительную площадку. Сейчас путь занимает всего час, а раньше до этих мест пробирались на лошадях и пешком двое суток.

На другом берегу, в тайге, пролегла железная дорога, которая связала магистральную линию Тайшет — Лена с основной строительной площадкой.

Нелегко давалось сооружение подъездных коммуникаций. Когда строители дороги дошли до болотистой Зябьской петли, произошел затор. Экскаваторы и бульдозеры вязли в трясине. Машины оседали в болотах, беспомощно хлюпая гусеницами в воде. Даже экскаватор лучшего машиниста Александра Макарова с трудом вел укладку насыпи. Но как ни тяжела оказалась трасса, она была проложена в срок.

Все оживленнее на строительной площадке Братской ГЭС. Непрерывно прибывают новые люди. Уже сейчас на сооружении ГЭС трудится около 6 тысяч человек, в будущем году их будет примерно в пять раз больше.

А год назад здесь не было ничего, кроме брезентовых палаток, в которых жили первые строители — коммунисты и комсомольцы, приехавшие по путевкам Иркутского обкома партии и обкома комсомола. Всю зиму люди готовили жилье. А народ все ехал и ехал. С Украины, Волги, из Заполярья, с Кавказа — отовсюду прибывали строители. Одни приезжали в одиночку, другие везли с собой семьи.

К 1 января сдать 50 тысяч квадратных метров жилья — таково обязательство строителей в честь XX съезда КПСС.

Началась вырубка леса на огромной площади будущего Ангарского моря. Оно будет почти в 3,5 раза больше водохранилища Куйбышевского гидроузла. Чтобы подготовить ложе для этого огромного моря, лесорубам предстоит совершить гигантский труд: за 5—6 лет убрать около 38 миллионов кубометров деловой древесины.

Братская ГЭС даст электроэнергии примерно столько же, сколько Куйбышевская и Сталинградская гидростанции, вместе взятые. Это будет способствовать бурному индустриальному развитию районов Восточной Сибири.

Братская и Иркутская ГЭС дадут возможность электрифицировать в этом районе железные дороги, энергия Братской ГЭС пойдет в промышленные районы — Иркутско-Черемховский и Красноярский. Гидростанция будет оснащена уникальными гидроагрегатами мощностью 200—250 тысяч киловатт. Со временем создадут единую энергосистему Сибири, в состав которой войдет каскад гидростанций на Ангаре.

Первые агрегаты Братской ГЭС должны быть пущены в 1960 году!

...Наступила суровая сибирская зима. В снегах утонула тайга. Но даже морозы не могут сковать стремительного потока Ангары. Людей, пришедших сюда с могучей техникой, не пугают ни северная природа, ни неистовый бег реки, ни крутизна скалистых берегов. Все будет преодолено!

В. НИКОЛЬСКИЙ
Фото Л. Берковица.

За первыми брезентовыми палатками подымаются двухэтажные жилые дома, больницы, школы, магазины.

Костер на берегу

Аркадий РЫВЛИН

Уже заснежен старый лес,
И некуда от ветра деться.
Строители далеких ГЭС
Присели у костра погреться.

Здесь, над вечерней Ангарой,
Сидят в продымленных спецовках
И куйбышевский «Гидрострой»,
И Нарва рядом,
И Каховка.

Костер не гаснет на ветру...
Да, по-семейному, надолго
Сюда, в Сибирь, на Ангару,
Пришли помочь
И Днепр и Волга.

Когда-нибудь и Ангара
С Днепром и Волгой
В день весенний
Вот так же сядет у костра,
Придя на берег Енисея.

А Енисей...
Но нынче здесь
Работа общая ведется,
И, видно, будущая ГЭС
Недаром Братской назовется.

В подготовительном забое участка № 5 шахты «Тырганские уклоны».
Фото П. Лисенкина (ТАСС).

Интервью «Огонька»

ВОДА ДОБЫВАЕТ УГОЛЬ

Доктор технических наук В. МУЧНИК

В решениях июльского Пленума ЦК КПСС указано на необходимость шире внедрять гидравлический способ добычи угля. Утверждена большая программа применения этого прогрессивного способа подземных работ. Отныне в Кузбассе и Караганде большая часть новых шахт будет строиться с расчетом на добычу угля водой. Гидрошахты оборудуются также в Донбассе, на Урале. В городе Сталинске, Кемеровской области, учреждается Всесоюзный институт по подземной гидравлической добыче угля. Директором института назначен инициатор нового способа горных работ, доктор технических наук В. С. Мучник. Он рассказал корреспонденту «Огонька» о том, как был разработан новый способ, в чем его преимущества и перспективы.

Горные работы с помощью воды проводились на поверхности давно и в различных странах. Водой, например, размывали залежи песка при добыче золота. В более позднее время стали применять гидравлический способ выработки в открытых угольных карьерах. Но добывать уголь под землей с помощью воды начали впервые в мире у нас, в СССР.

В 1934 году мне удалось обосновать возможность таких работ, а два года спустя осуществить их на шахте «Комсомолец» в Кизеловском бассейне. До войны вступила в строй первая гидрошахта в Донбассе и началось строительство гидрошахт в ряде других бассейнов. Война помешала развитию подземной гидромеханизации. После войны мы продолжали свои работы, на этот раз в Кузбассе. Здесь с 1952 года частично перешла на гидродобычу шахта «Тырганские уклоны» в Прокопьевске, а полностью с 1953 года — шахта «Полысаевская Северная» в Ленинске.

Как добывают водой уголь? Под напором в 35 и больше атмосфер струя воды вырывается из монитора — водомета. Удар мощной струи образует в угольном пласте трещины. Вода проникает в них и «отжимает», откалывает куски угля.

Но дело не только в том, что вместо удара металлическим инструментом мы наносим удар по угольному пласту с помощью водяной струи. Применение воды коренным образом меняет всю технологию добычи угля.

Обычно в шахтах, в том числе самых механизированных, для того, чтобы добыть уголь, нужно произвести большое количество различных операций. Сначала делают зарубку угля, потом проводят отбивку кусков угля, потом наваливают эти куски для транспортировки, затем транспортируют уголь, переваливая его с конвейера в вагонетки, из вагонеток в подъемники. Кроме того, много труда вкладывается в крепление забоя для того, чтобы во время работы не обрушилась порода. И получается, что на самую выемку, добычу угля уходит только около четверти всех трудовых затрат под землей, а три четверти забирают вспомогательные операции. При гидродобыче большинство вспомогательных операций становится излишним.

Водяная струя сразу проводит отбойку кусков угля. Навалка его на транспортеры тоже не требует особой затраты труда: струя воды, отколов куски угля, гонит их своей же силой к наклонным желобам. По этим желобам, установленным в штреках, смесь угля с водой (пульпа) течет к стволу шахты. Здесь пульпа попадает в подъемную трубу, по которой насосы гонят ее на поверхность. Потом мощные насосы вновь гонят воду вниз, в шахту, к гидромониторам.

При новом способе не нужно прокладывать под землей в породе широкие тоннели для проезда электровозов и вагонеток, сооружать станции, не нужно строить огромные подземные околоствольные дворы, где скапливаются вагонетки при перегрузке угля в подъемные клети. При гидродобыче с помощью монитора прокладываются только довольно узкие штреки. В штреке укладывают трубу для подачи воды к монитору и желоб, по которому стекает пульпа. Эти узкие штреки прокладываются обычно не в твердых породах, а в самом угольном пласте, и это значительно облегчает проходку.

Вот почти и весь технологический процесс добычи угля водой. В нем, как видите, мало операций, и в этом основа его высокой производительности. Правда, остается еще операция по креплению проходного штрека. Но в самом забое крепление не нужно, и вот почему: струя монитора бьет на расстояние до пятнадцати метров. Шахтер-водометчик направляет струю впереди себя — в грудь забоя, откалывает уголь и отступает по штреку назад. После того как уголь отбит, в пустое пространство начинает рушиться лежащая сверху и с боков порода. Но рушится она не сразу: пока горное давление распределится, пока его силы направятся на опустевшее пространство, проходит некоторое время. Шахтер уже успел за это время отступить на новую позицию, вода уже успела унести с собой отбитые куски угля.

Гидроспособ значительно безопасней обычной добычи угля. Нет взрывов породы; вода увлажняет воздух и растворяет газы; шахтер не боится обвалов в забое: ведь он находится на известном расстоянии от места выемки угля.

Уже сейчас, когда мы еще слабо механизировали наши работы, на двух гидрошахтах Кузбасса тонна угля стоит на 30—40 процентов дешевле, чем на обычных шахтах. Производительность же труда подземного рабочего в 3—5 раз выше, чем на соседних шахтах. Строительство гидрошахт тоже обходится дешевле обычных примерно на 25—30 процентов.

При выполнении программы строительства гидрошахт по крайней мере десятая часть всего угля будет добываться водой. Это даст сотни миллионов рублей экономии, освободит около ста тысяч шахтеров, труд которых можно будет использовать для общего роста добычи угля. При механизации гидродобычи в штреке останутся только два человека, они заменят собой рабочих 5—7 специальностей, а также и горных мастеров. Но эти двое — водометчик и его помощник — должны обладать большими знаниями, уметь вести отбойку, транспортировку угля, управлять горным давлением. Поэтому рабочий гидрошахты, шахтер ближайшего будущего,— это человек со средним образованием, труд которого значительно легче, но и сложней, чем у современного шахтера.

Полковое знамя, спасенное С. А. Старичковым.

«Старичковское знамя»

В Калужском областном краеведческом музее, в застекленной витрине, выставлено выцветшее от времени, ветхое шелковое знамя с обтрепанными от походов и непогод краями, изорванное в сражениях. Посредине — еле заметный старинный русский герб.

Это знамя Азовского пехотного мушкетерского полка, спасенное в 1805 году в сражении под Аустерлицем унтер-офицером полка калужанином Семеном Артамоновичем Старичковым.

О подвиге С. А. Старичкова мы узнаем из приказа генерала М. Б. Барклая-де-Толли от 4 марта 1806 года: «Новый поступок, оказанный в нынешнюю кампанию Азовского Мушкетерского полка унтер-офицером Старичковым, являет доказательство, сколь свято почитают они верное исполнение своих обязанностей и при виде даже приближающейся смерти.

Сей Старичков, находясь в сражении противу французских войск, носил знамя своего полка и когда, покрытый ранами, в ослаблении сил, увидел уже неизбежную потерю оного, то решился снять его с древка и сохранить при себе.

После сего взят он был неприятелем в плен, в коем сберегал знамя до того времени, пока не почувствовал последних минут своей жизни. Тогда, позвав к себе бывшего с ним Бутырского Мушкетерского полка рядового Чуйку, умолял он его беречь при себе знамя до возможного случая и доставить своему полку. Приняв уверение своего товарища, что он в точности выполнит таковое верное поручение, Старичков с спокойствием духа вскоре умер. Рядовой Чуйка с равным усердием тщился скрывать знамя и, наконец, сей священный залог единодушия верных и храбрых воинов вручил отъезжающему из Брюнна (ныне город Брно в Чехословакии.— Ред.) подполковнику Трескину, который представил оное начальству».

В торжественных случаях, во время отправления воинских частей на войну, «Старичковское знамя», как символ воинской доблести и геройства, проносилось перед строем солдат.

После смерти С. А. Старичкова остались его мать Марфа Васильевна и четыре сестры. Всем им была назначена пенсия. На Фурсовой улице вместо ветхого деревянного домишка для семейства Старичкова калужане выстроили каменный двухэтажный дом.

Дом этот сохранился до нашего времени — он находится на улице Урицкого под № 7.

Н. МАСЛОВ

ВЬЕТНАМ, 1955 ГОД

Г. БОРОВИК **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Случай в Нгиа-Лой

Больница самая обычная: марлевые занавески на окнах, белоснежные, хрустящие, как пергаментная бумага, халаты, неслышная поступь медицинских сестер, микроскоп и несколько пробирок в лаборатории. Необыкновенное здесь только одно: это первая в истории Северо-Западного Вьетнама лечебница для населения.

Она размещена в нескольких бамбуковых домах. В одном из них мы сидим за большим круглым столом, пьем кипяток и слушаем рассказ врача и служащих больницы. Здесь прохладно, а снаружи разлита такая густая жара, что наш переводчик товарищ Ки шутит:

— Сегодня никто не знает, какая стоит температура: термометры показывают только до шестидесяти градусов, а дальше лопаются.

— Что такое джунгли в сочетании с невероятной жарой? — задает вопрос доктор Нгуэн Лыок, низенький, щупленький, в белой шапочке пирожком. Не дожидаясь ответа, он говорит:

— С точки зрения врача, джунгли, жара плюс отсутствие медицинской помощи — это значит: почти все больны малярией, ежегодные эпидемии дизентерии, пневмонии, оспы.

В таком вот районе, густо населенном многими национальностями, которых колонизаторы старались удержать в темноте, была создана через несколько месяцев после окончания войны во Вьетнаме больница. При французах был на северо-западе один госпиталь, но там имели право лечиться только европейцы.

В бамбуковых домиках проходит лишь часть работы медиков. Вторая — не менее важная и уж наверняка гораздо более трудная — протекает в горных деревушках.

– Я не буду распространяться, как действует наш госпиталь,— говорит Нгуэн Лыок.— Ничего особенного: принимаем больных, есть у нас стационар на сорок человек, через два месяца расширим до ста двадцати. Делаем анализы. Все как полагается. А вот там, в горах...

Доктор на минуту задумался.

— Если у вас есть свободный день, отправляйтесь, например, в Нгиа-Лой. Это ближайшая горная деревушка. И посмотрите все сами.

...Нгиа-Лой приютилась на площадке, образовавшейся на склоне горы. Чтобы добраться до деревни, нужно довольно долгое время трястись в машине и столько же времени идти пешком по маленьким аккуратным дамбочкам. Дамбочки разделяют рисовые поля, залитые водой. Без сноровки я дважды, поскользнувшись, искупался в теплой воде, вызвав сдержанные улыбки моих друзей. Они еще раз улыбнулись, когда я в смущении остановился перед крокодилом: бугорки его глаз и ноздрей угрожающе торчали из воды. Но оказалось, что это прячется от дневного зноя безобидный домашний буйвол.

По берегам маленькой речушки, которая повстречалась нам, стояли маленькие крупорушки. Вода вращала колеса, которые, в свою очередь, поднимали большие каменные молоты на деревянных рукоятках. Молоты падали на зерно, насыпанное во вместительные глиняные чаши.

Наконец перед нами деревня. Окруженные чешуйчатыми пальмами, стояли на высоких деревянных сваях просторные, прямоугольной формы хижины, крытые бамбуковыми листьями. Весь каркас такого дома делается из толстых стволов бамбука, а стены и пол сплетены из его наружного слоя. Вход сквозь короткую стену прямоугольника, с плетеной веранды. Старые хижины имеют по два входа: для женщин и для мужчин. На веранду ведет легкая бамбуковая лесенка. Собственно, при описании такого дома можно не употреблять слова «бамбуковый» — буквально все здесь сделано из бамбука: мелкие и глубокие плошки для риса, заплечные корзины, рыболовные сачки, сита, цыновки, курительные трубки, ведра, стаканы и многие, многие другие предметы домашнего обихода. При строительстве хижин не употребляется ни одного металлического гвоздя. Все составные части связаны гибким наружным слоем растения. Бамбук исключительно прочен, легок, быстро растет и, главное, почти не подвергается гниению. Великолепный материал!

Среди всего этого бамбукового царства мы сразу нашли большую брезентовую палатку с красным крестиком на белой дощечке перед входом. В палатке было три человека. Мужчина в белом халате сидел за столиком и что-то быстро записывал в тетрадь. Молодая девушка, тоже в халате и белой косынке, бинтовала руку пожилого крестьянина, который с уважением следил за ее действиями.

Мы познакомились. Доктора звали Хуан Та Шен. Медсестру — Ван Тхи Куанг. Крестьянина — Ко Фун Бао. Когда старик ушел, нежно баюкая забинтованную руку, Хуан Та Шен стал рассказывать о своей работе.

Передвижная группа прибыла в эту деревню несколько месяцев тому назад. Она состоит из двух человек. Крестьяне приняли их приветливо: знали, что «группу прислал дядя Хо». В первый же день было созвано деревенское собрание. Речь врача слушали внимательно, одобрительно зашумели, когда тот сообщил, что в деревенском медицинском пункте, который откроется, крестьянам всегда окажут первую медицинскую помощь. Но когда Хуан Та Шен заговорил о том, что сырая вода, мухи, комары вызывают эпидемическое заболевания, люди стали недоверчиво качать головами и снисходительно посмеиваться. Кто-то крикнул: «Мухи, комары слишком малы, чтобы творить такие дела!»

На другой день, не смущаясь первой неудачей, Хуан Та Шен стал изучать санитарное состояние деревни. Тут никогда раньше не бывало врача. Применялись, правда, народные средства — целебные растения,— но против эпидемий они были бессильны. Монополия врачевания была в руках «тхаймо» (это можно приблизительно перевести словом «шаман»). И тай и мео — две основные национальности, живущие в деревне,— очень чистоплотные люди; в их домах всегда опрятно, детей они содержат в чистоте, но никто не обращает внимания на мух и комаров. Все жители, начиная с малолетних, пьют сырую воду из ручья, протекающего по деревне, едят сырые овощи, иногда — сырое мясо, не-

По дороге в деревушку.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ

Участницы многонационального ансамбля песни и танца, созданного в Тай-Баке.

Крестьянин Бак Кам Ну с рассадой риса.

Угольные копи Хон-Гай. Горняк Сий Кий Чау, работающий на крупнейшей шахте Кам-Фа.

«Огонек». 1953.

Переправа через реку.

Рыбаки Сам-Сона.

которые семьи держат скот под полом хижины, никто не пользуется противомоскитными сетками.

И вот началась великая кампания разъяснения.

— Посудите сами,— говорит мне товарищ Хуан.— Ведь мало уговаривать. Надо было, чтобы люди на опыте уверились, что болезни вызываются не злыми духами, а микробами, укусом комара, простудой. Стали мы ждать случая, чтобы убедить в своем, так сказать, могуществе...

И случай пришел. У крестьянина Шина заболела жена. Обычные средства не помогли, шаман — тоже. Председатель административного комитета деревни уговорил пригласить врача. Шин ответил, что ему уже все равно — врач так врач. Эта весть сразу разнеслась по деревне. Когда Хуан пришел, во дворе у Шина собралось человек пятьдесят, в том числе и шаман. Доктор, как полагается по обычаю, снял сандалии и босиком поднялся по лестнице в хижину. Народ повалил за ним, столпился в дверях. Женщина лежала около очага на циновке. Костер чуть горел. Любопытные мешали Хуану, но он знал, что их нельзя удалить. Наоборот, надо каждый свой поступок объяснять вслух, чтобы всем было понятно. Больная металась в жару, бредила. Врач вынул стетоскоп, выслушал ее, объяснил, зачем он это делает. У жены Шина было воспаление легких. Сердце оказалось прекрасным, и Хуан не опасался тяжелого исхода. Он спросил Шина, не купалась ли его жена несколько дней назад в горной речке неподалеку. Крестьянин ответил, что верно, купалась, пока он рубил рядом бамбук для хлева. Хуан объяснил всем причину болезни. Потом он прокипятил свои инструменты и приготовил шприц. Вокруг зашептались. Врач опять как можно проще объяснил, что он собирается делать. И предупредил, что результаты скажутся не сразу, но к утру у женщины спадет жар. До утра народ не расходился. Пенициллин подействовал быстро: организм женщины никогда не подвергался ранее действию лекарства. Утром она перестала бредить, пришла в себя и спокойно уснула. Хуан сделал еще одну инъекцию, и все кончилось благополучно.

— Только после этого случая мы смогли начать настоящий разговор о профилактике, о санитарии и гигиене. Нам стали верить,— говорит мне товарищ Хуан и облегченно вздыхает.— Мы повели борьбу за чистоту. Каждые четыре семьи объединили, чтобы они вместе приводили в порядок свой участок. Прежде всего началось уничтожение мух и комаров. Кто-то из крестьян придумал способ: смазывать плетеные корзины внутри медом, а когда слетятся мухи, закрыть крышку и в отверстия лить воду. Комаров ловили так: раскладывали на земле черную противомоскитную сетку, утром комары и москиты летели на нее, а днем сетку выносили на жаркое солнце. Насекомые гибли. Ежедневно крестьяне приносили полные тарелки убитых мух, комаров.

Конечно, не все шло гладко. Потребовалось, например, вырыть канавы, чтобы осушить заболоченную часть деревни. И вдруг запротестовал шаман. Он сказал, что нельзя трогать землю: это может повредить жилу земляного бога. Пришлось собрать всю деревню на митинг и решать вопрос сообща. Долго длилось собрание. Шаман доказывал свое, Хуан Та Шен — свое. Крестьяне вначале только слушали, потом тоже начали спорить. Всех убедил Шин.

— Скажи,— обратился он к шаману,— когда ты строил свой дом, ты рыл ямки для свай?

— Рыл,— ответил шаман.

— Ты пашешь землю перед посадкой риса?

— Пашу.

— Так почему же нельзя рыть канаву?

— Потому, что мы никогда этого раньше не делали,— растерянно ответил шаман.

— Мы многое раньше не делали — уколов и прививок тоже. А вот дядя Хо прислал врачей, и у нас стало меньше болезней. И дети почти не умирают. Разве я не боялся, когда товарищ Хуан воткнул иглу в тело моей жены? Я очень боялся. Но пересилил себя.

Проголосовали. Решили вырыть одну канаву. Если ничего не случится, рыть остальные.

— Значит, здешний шаман, по существу,— ваш единственный враг в деревне?

— Видите ли, — немного подумав, ответил врач,— Куанг Ван Мень (так зовут шамана) — особый человек. Побеседуйте с ним.

— Беседовать с шаманом?! — удивился я.

— Уверяю вас, это будет небезинтересно для вас,— ответил доктор.

Интервью с шаманом

Когда мы подошли к хижине Куанг Ван Меня, шаман сидел на веранде и чинил плетеную корзину. Узнав, кто мы такие, он приветливо поднялся нам навстречу и пригласил войти в дом. Куанг — высокий тощий человек в длинных черных холщовых штанах и такой же рубахе. На голове у него нечто вроде маленькой чалмы.

Хижина шамана ничем не отличается от других крестьянских хижин. Внутри, посередине, на каменной плитке, тлеет костер — здесь готовят пищу. У входа стоит невысокий стол. В противоположном углу лежит на полу циновка, на ней несколько холщовых одеял. Часть комнаты отгорожена плетеной стенкой. Здесь молельня. С потолка свешиваются крошечные плетеные корзиночки, называемые «хо-тай». Это домики для духа человека. Сколько людей в семье — столько корзиночек. Если человек умирает, корзиночку выбрасывают. Я насчитал десять «хо-тай». Большая семья у шамана!

Мы садимся вокруг очага: шаман, переводчик товарищ Ки и я. К нам подсаживаются домашние — послушать беседу, но Куанг строго смотрит на них, и те послушно отодвигаются подальше. Я прошу извинения у Куанга за то, что оторвал его от дел. Тот отвечает, что как раз отдыхал.

Начинается беседа. Я спрашиваю у служителя культа о сущности его религии. Куанг отвечает медленно, с достоинством, но охотно.

— У нашего народа есть несколько богов,— говорит он.— Домовой, бог неба, бог гор, бог воды, бог солнца, бог звезд, кроме того, духи почивших предков, духи мертворожденных детей. От этих духов и богов зависят здоровье человека и его благополучие. Я, шаман, молюсь перед духами за людей, определяю, который из них виновен в недуге, и уговариваю его не мучить несчастного. Чтобы уговорить духа, надо принести ему жертву: четыре чашки очищенного риса и четыре неочищенного, два куриных яйца (если нет яиц, можно заменить их помидорами), петуха, утку. Если ее нет, можно двух петухов и несколько утиных яиц, кусок сырой свинины и две серебряные монетки. После молитвы все эти приношения я забираю с собой, кроме половины утки — без головы,— которую съедаю вместе с семьей больного. Вот и все. Но если дух не смиряется после моей молитвы, я стараюсь его заставить силой. Когда он наконец перестает мучить тело, человек выздоравливает. Вот в чем заключается мой труд.

Я прошу Куанга рассказать о том, как он стал шаманом.

— Шаман молится под звуки «ка-хо».— Куанг указал на бамбуковую длинную трубку с дырочками.— Когда я был еще молодым, я научился играть на этой дудке и прислуживал старому шаману во время молитвы. Но шаман умер, и в деревне больше некому было лечить. Я решил стать шаманом. Это произошло незадолго до начала войны с японцами. Потом, когда пришли французы, я отправился вместе с крестьянами в джунгли. После освобождения вернулся. Шаманы из соседних сел, которые оставались здесь при французах, говорили мне, что народная власть запретит молиться. Но вот я живу в деревне и, когда меня зовут люди, молюсь за них. Никто мне не запрещает.

— Скажите, пожалуйста, а вы уверены, что болезни вызываются злыми духами?

— Да. Все главные болезни вызываются ими.

— То есть?

— Есть болезни, которые происходят, как я выяснил, от перемены погоды или от ядовитого ветра. Тогда люди чихают, кашляют. Такие мелкие болезни может вылечить даже врач.

— Но ведь до того, как сюда пришли врачи, вы, видимо, считали, что и насморк тоже от злого духа?

— Да, я так считал. Но врачи доказали, что могут лечить эти болезни. Значит, они не от злого духа.

— Так, может быть, придет время, когда врачи докажут, что оспу, холеру, малярию и прочие болезни они тоже смогут вылечить?

Куанг задумался и, прежде чем ответить, несколько раз затянулся из трубки.

— Один раз, правда, я видел, как врач вылечил большую болезнь. У крестьянина Шина заболела жена. Я долго молился в его доме. Но жене стало хуже. Пришел еще один шаман из соседней деревни — опять не помогло. Тогда я позвал еще трех шаманов, и мы впятером молились в каждом углу дома и во дворе тоже, потому что не знали точно, где же скрывается злой дух. И опять не помогло. Тогда Шин позвал врача. Доктор был в белом халате, с белой повязкой у рта и принес много всяких иголок, ножичков, стеклянных банок. Злой дух испугался всего этого и убежал.

— Постойте,— перебил я Куанга.— Но ведь доктор сделал женщине укол пенициллина!

— Да. Именно так. Но я не уверен в том, что подействовал укол. По-моему, дух просто испугался.

В это время в дальнем углу комнаты кто-то застонал. Шаман направился туда, склонился над лежащим на циновке мальчиком и что-то шепотом сказал ему.

— Он заболел у меня, мой сын,— почему-то смущаясь, произнес старик, возвратившись на место.— Боюсь, как бы не оспа.

— Что вы намерены делать? — спросил я.

— Я уже звал шамана. Но он не помог. Придется самому попробовать, хотя молиться за членов своей семьи не полагается.

— А к врачу вы не пытались обратиться?

Старик посмотрел на меня и молча, задумчиво покачал головой...

— Нетипичный шаман,— огорченно произнес Ки, когда мы возвращались в палатку.

По правде говоря, я тоже был немного разочарован. Ждал встретить фанатика, непримиримого врага науки, света, а разговаривал с довольно симпатичным человеком, наивно верящим в свое искусство исцелять и чуть снисходительно, но, кажется, весьма сочувственно относящимся к работе медика. Я высказал свои мысли доктору Хуану. Тот засмеялся:

— Он действительно нетипичен. В других деревнях шаманы борются с нами не на жизнь, а на смерть. Объясняется это очень просто: основное занятие Куанга — земледелие. Он обыкновенный крестьянин. Шаманством только подрабатывает. Поэтому, если наука вытеснит религию, он не особенно пострадает материально. Зато те, кому медицина несет конец легкой наживы, становятся зверями. Как говорится, бытие определяет сознание...

Покидая деревню, мы прошли мимо дома шамана. Оттуда неслась заунывная мелодия «ка-хо». Звук дрожал на одной ноте, будто шмель гудел. Шаман молился.

— Держу пари,— сказал Ки, задорно блестя глазами,— что если мальчишке не станет лучше, старик завтра обратится к врачу. А?

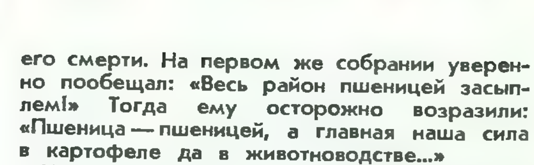

Нгиа-Лой.

СУДЬБА АНУШ

Рассказ

Нора АДАМЯН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Возле чайной машина затормозила. Андо сразу вышел из кабинки и деловито направился к дверям, а Симон засуетился, для чего-то стал перекладывать связки книг, пока Ануш не сказала ему:

— Об одном прошу — не засиживайтесь долго.

— А в чем дело, Ануш? Пойдем с нами, а? Ничего такого нет — колхозная чайная!

На витрине чайной были красочно изображены два перекрещенных вертела с дымящимся шашлыком и бутыль с надписью «Лучшее красное».

Ануш только махнула рукой: все мужчины на один лад. Она сложила в угол болты, железки, куски резины, которые всегда валяются в машинах, постелила на скамейку газеты и села, поставив рядом с собой маленький чемоданчик. В чемоданчике были гостинцы: широкая красная лента дочке, автомобиль Ашотику и конфеты для бабки. Собственно, конфеты для всех, но если их не поднести бабушке, то она обидится и дня два будет ходить сердитая на весь мир.

Бедный Армен знал характер матери. Он всегда ей первой доставал подарок, а если привозил для жены что-нибудь дорогое, то показывал, когда они оставались одни.

Теперь никто не делает Ануш подарков.

Ануш сидела прямо, сложив на коленях руки, и большими светлокарими глазами смотрела на залитую солнцем улицу. Ей вспомнился тот счастливый день, когда она вот так же сидела в машине и горько плакала. А плакала она потому, что забыла в поезде новые туфли. Армен сам выбирал эти туфли — серые с красной отделкой.

«Это на память об олимпиаде», — говорил он.

Ведь было же так! Ездили на олимпиаду, выступали в театре. Представляли колхозную свадьбу со всеми обрядами и обычаями. Армен играл на таре, Ануш танцевала. Танцевала! Как давно это было! А когда возвращались домой, сошли с поезда и сели в машину, Ануш спохватилась, что туфель нет, и заплакала. А мужу сказала: голова болит. Только перед самым домом призналась, что потеряла обновку. Как он обрадовался!

— О чем ты плачешь, жена, милая моя! Была бы ты здорова! Что нам туфли? Совсем некрасивые, серые какие-то. Да мы тебе две пары купим!

Когда он умер, Ануш казалось, что все радости навсегда кончились. Впереди одно горе. Но, наверное, жизнь сильнее людей. Ануш радостей не искала, а все-таки они есть. Хорошо сейчас, после толчеи по неуютным комнатам райсовета, где у нее были всякие депутатские дела, после хлопот в коллекторе, вернуться домой, увидеть детей. Хорошо вечером открыть свою библиотеку, разобрать новые книги...

Ануш приготовилась долго ждать своих спутников. Поэтому она очень удивилась, когда из двери чайной выскочил красный и нахмуренный Андо и стал заводить мотор. Потом появился Симон, улыбающийся растерянной, заискивающей улыбкой. За ним вышли трое сильно подвыпивших людей. Одного из них Ануш знала: это был бригадир колхоза соседнего села. Он кричал вслед Симону:

— Эй, земляк! Почему бежишь? Почему угостить не хочешь? Вы богатые, за вас Кубань отвечает...

— Ай, нехорошо! Ну, что тебе надо? — увещал Симон. — Мы вас трогали? В чем дело?

— Вы нас не трогали, а мы вас затронем! Ну, ты, партийный секретарь, поделись опытом, как вы картошку в городе по пять рублей за кило продаете, а на Кубани пшеницу по десять рублей за пуд покупаете! Ваш колхоз — спекулянт-колхоз!

— Вот видишь, — примирительно заговорил Симон, — ты совсем не в курсе. Я уже четыре месяца не секретарь. Так что эти дела меня теперь совершенно не касаются. Ты понял?

Машина зафыркала и тронулась. Симон на ходу перевалился в кузов, вытащил папиросы и стал чиркать спичкой.

— Что это он? — спросила Ануш.

Но Симон, продолжая терзать коробку незажигающейся спичкой, отвечал не ей, а своим мыслям:

— Я при чем? Я теперь завклуб.

Ануш замолчала. Двадцать километров — невелико расстояние, можно проехать и не разговаривая. Андо гнал машину вовсю. Когда въехали в село, Симон подхватил пачку книг и спрыгнул у своего переулка. Грузовик поехал дальше, к библиотеке.

Возле маленького домика Андо откинул борт, и Ануш передала ему связки книг. Отказавшись от помощи парня, она осторожно спрыгнула на землю.

— Ты мне скажи, что там у вас получилось?

— А что? — сразу обозлился Андо. — Он правильно ругал нас. «Вам, — говорит, — выпивать рано, вам долги платить надо!» Симон спрашивает: «Твоему отцу, что ли, должны? Что ты больше всех беспокоишься? Ваш колхоз богатый, выдержит!» А он осрамил нас. «Вы, — говорит, — только на богатые колхозы и надеетесь...» Что делать? Нечего нам ответить... Ну, да я здесь не останусь. На дорогу пойду работать.

— Вот правильно! Работники разбегутся — колхозу легче будет.

— Тебе что? Ты всего этого не видишь. Вон весной картошку сажали — гнилую, мороженую в землю покидали. И не взошло ничего. Так, кое-где зеленеет. Моя мать сажала эту картошку — плакала даже.

— Плакала! — раздраженно сказала Ануш. — Над своим огородом, небось, не плакала! Вон ботва у вас на участке стеной стоит, а земля одна и та же.

— Не в земле дело. И у «Красной зари» земля такая, а как живут? Хлеб сдавать едут, словно на свадьбу: праздники устраивают, артистов приглашают. Председатель у нас плохой.

— Председатель один, а колхозников сотни. — Ануш повторила слова, которые часто слышала от своего покойного мужа. Она привыкла к тому, что при ней часто ругали нового председателя. Люди говорили: «При Арменаке мы разве так жили?» И Ануш было приятно, что люди о нем не забывают.

Новый председатель, Саро Чупикян, Армена не знал: он приехал в колхоз уже после его смерти. На первом же собрании уверенно пообещал: «Весь район пшеницей засыплем!» Тогда ему осторожно возразили: «Пшеница — пшеницей, а главная наша сила в картофеле да в животноводстве...»

Но инструктор райкома, который рекомендовал Чупикяна, сказал, что в районе уж какнибудь знают, что здесь главное, а что не главное.

Случилось, что в том же году поля побил град. В ту зиму колхозу помогли и государство и соседи. На другой год пришлось долги отдавать, а работали не в полную силу, опять понадеялись: «Помогут!» Люди похитрее продали в городе картошку и съездили на Кубань за дешевым хлебом. А за ними и все село поднялось. Ануш и сама радовалась, когда колхоз выхлопотал вагоны для перевозки зерна.

А что получилось? Уже третий год в каждом доме полные чувалы пшеницы, картошка во дворах насажена вплоть до крыльца — ноге ступить некуда, а работать стали с прохладцей. От трудодня ничего не ждут. Колхоз не выбрался из долгов.

Ануш шла домой усталая и грустная. До сих пор была надежда: может, один хороший урожайный год поправит все дела. Но урожаи сами по себе не приходят. Чего ждать от земли, если нет настоящей заботы о ней? Чего ждать, если в солнечный летний день колхозник сидит у своего дворика, свесив с колен праздные руки? Да еще какой колхозник — Минас Терзян, один из лучших работников артели!

Ануш остановилась.

— Здравствуй, Минас! Ты что, больной?

Минас привстал.

— Э, как тебе сказать, Ануш? Не здоров, не болен. Сижу, жду. Сам не знаю, чего жду.

Из-за сливовых деревьев садика выскочила его жена Асмик.

— Сидим! — крикнула она. — Сердце мое кипит — сидим! На работу не идем и дело не двигаем...

Минас покрутил головой:

— Молчи, жена, хватит! Устроила сегодня шум, хватит...

— Подожди, я еще не то устрою! Послушай меня, Ануш, я уже на него не надеюсь, — она презрительно кивнула в сторону мужа, — сама утром пошла. Говорю этому Чупикяну: долго мне под открытым небом спать? Одну машину прошу, на час, камень привезти. Человек ты или нет? Он отвечает: «Не имеешь права в мой кабинет входить и требовать». Кто? Я не имею права?! Ошибаешься! И дети мои сюда войдут — имеют право, — и внуки, и правнуки!

— И чего добилась? Что вышло? — безнадежно спрашивал Минас. — То он обещал дать машину, а теперь говорит: «Не мое дело. Нет вам машины». Вот сижу, смотрю на шоссе, — может, какой шофер согласится...

Ануш, не слушая больше, пошла обратно к

библиотеке. Андо еще не уехал. Насвистывая сквозь зубы какой-то веселый мотив, он сосредоточенно ковырялся в моторе.

— Андроник, у тебя сейчас время есть! Съезди с Минасом на карьер, привези ему камень!

Это предложение не вызвало у Андо восторга.

— Откуда у меня время есть? — недовольно сказал он.

— Ну, если б не эта история, вы бы еще долго в закусочной просидели. А тут часа за полтора управишься...— Она видела, что парню очень не хочется ехать за камнем.— Я тебе как депутат райсовета говорю!

Ануш в эту минуту не задумывалась, как далеко распространяются права депутата райсовета. Она поднялась в кабину.

Минас, завидя грузовик, деловито забегал, таская веревки, мешки, инструменты. Асмик проворно влезла в кузов и оттуда подгоняла мужа.

— Спасибо, Ануш, дай тебе бог здоровья! — крикнула она.

Ануш отмахнулась и пошла по улице. В воздухе заманчиво пахло печеным хлебом. Во дворике у соседей молодая женщина пекла пшеничные лепешки.

— Какие новости в городе, Ануш? — крикнула она, подняв от очага румяное лицо.

— Есть новости. Не будут больше кубанские колхозы нам хлеб продавать! — зло ответила Ануш и, не останавливаясь, прошла к себе домой.

Бабка сидела на каменной приступочке возле дома. Дворик был освещен солнцем, куда ни глянь,— желто. У бабки текли слезы. Она вытирала их толстым, будто обрубленным пальцем и тяжело вздыхала. Конечно, она сразу поняла, что у этой Вартуш на уме. Но бабку голыми руками не возьмешь! Сперва разговор шел вокруг да около. Вартуш все выпытывала: помогает ли колхоз семье бывшего председателя? Бабка жаловалась: плохо помогает. У этого председателя не допросишься, чтоб дров привезли. Вот послала детей в лес за хворостом, а у самой сердце за них болит.

— Конечно, дом без мужчины — разрушенный очаг,— подхватила гостья.— Что сделаешь? Ушедших не вернешь. А женщине трудно одной жить. Да и мужчине одному плохо. Вот есть человек; и не потому она его хвалит, что родственник,— нельзя не похвалить: золотой человек! И при хорошем деле — начальник животноводческой фермы. Галуст Кочинян! За него, конечно, любая девушка пойдет, но ему нужно, чтоб женщина была серьезная, культурная. Он не посмотрит, что вдова. Детей за своих посчитает. В дом войти соглашается. Старшего почитать будет.

Соседка ушла ни с чем: бабка то ли недослышала, то ли не поняла. Она сидела, медленно покачиваясь, потом хлопнула себя по коленям и стала выговаривать свое горе тонким, певучим голосом, обрывая длинные фразы жалобным всхлипом.

Она оплакивала покойного сына. Горько упрекала его: ушел, не пожалел детей, покинул мать... Кто вырастит ребят? Кто похоронит старуху? Передохнув, бабка начинала снова:

— Как гора, ты стоял за нашими плечами. Что мы теперь? Ветер дунет — унесет...

Потом она сразу оборвала причитания, вздохнула, перевязала на голове косынку и совсем другим голосом закричала на пеструю курицу, которая забралась в огород.

С трудом оторвавшись от приступочки, бабка вошла в прохладную комнату и, щуря покрасневшие глаза, встала у шкафа. Она не сразу увидела невестку. Ануш пришла со стороны улицы и сидела на тахте.

— Где дети? — спросила она.

— Конечно! — обиженно сказала бабка.— Я последняя собака в доме. Мне не надо сказать: «Здравствуй, прощай!» У меня даже имени нет: мать или там сатана... Вот по старому закону...

Ануш знала, что теперь ей лучше молчать. В гневе бабка часто грозилась: «Уйду жить к Цовик!» А Ануш было бы стыдно, если б старуха действительно ушла из дома своего сына, где ей положено доживать дни, в дом замужней дочери.

— Законы меняются, мама.— Ануш сказала это очень тихо, скорее, чтобы облегчить свое сердце, чем убедить свекровь.

Но тут подтвердилось ее давнее предположение, что старуха не слышит только того, чего не хочет слышать.

— Правильно, дочка, правильно! Законы меняются. Я, когда вошла в дом к своей свекрови, так даже с кошкой боялась говорить. Я на мужа остерегалась, лишний раз взглянуть. А ты вот очень смело со мной разговариваешь. И что ж? Я молчу. Я всегда молчу!

Чтоб не поддаться раздражению, Ануш старалась вспомнить все самое хорошее о своей свекрови. Она так много работает по дому, так любит детей, выходила их...

Ануш стояла перед свекровью молча, наклонив голову, как подобает послушной невестке, и, только заслышав голоса детей, выскочила на крыльцо.

— Пришли дорогие, самые хорошие в мире дети! Какую кучу хвороста притащили! Три раза можно будет истопить печку.

Ашотик в своей новой машине отвез бабушке конфеты. Подарок был принят, но бабка не смягчилась. Суровая, стуча тарелками, она накрыла на стол и разлила спас — суп из молочной сыворотки, пшеницы и душистых трав.

Ануш переоделась и перед тем, как идти на работу, присела у письменного стола и открыла ящик, забитый бумагами покойного мужа. Она редко заглядывала в этот ящик. Очень больно бывало видеть листки, исписанные разборчивым, крупным почерком Армена. Давно, в первые дни после его смерти, Ануш вынула отсюда и отнесла новому председателю записную книжку Армена с деловыми заметками, планами. Чупикян тут же, при ней, сунул тетрадь в самый нижний ящик своего письменного стола. Верно, там она и лежит до сих пор. Только одну страничку Ануш вырвала и оставила себе. На ней было написано: «Надо учить Ануш на агронома...» Тогда она посмеялась над мужем: «Какой из меня агроном?» «Из тебя хороший агроном будет,— уверенно сказал Армен,— ты землю понимаешь». Целый год тогда Ануш готовилась стать агрономом. Совсем иначе, по-хозяйски, научилась она думать о колхозе.

Ведь был день, когда Армен вбежал в дом радостный, потрясая над головой чековой книжкой. «Пятьсот тысяч на нашем счету! А через три года пять миллионов будет!» И Ануш знала, из чего они складывались.

Теперь Ануш сидела и подсчитывала на листе бумаги доходы и убытки колхоза. Что у нас могло бы быть на сегодня? Парники? Почему нет парников? Не осушен болотистый участок, не используется торф, заглохли наши сады. Где пасеки колхоза и пятьсот тысяч прибыли от меда?

В этот день она опоздала в библиотеку. И когда вышла из дома, за ней по улице бежала орава ребятишек с книгами в руках. Библиотека быстро наполнилась постоянными посетителями. Молодежь меняла книги. Старики от строчки до строчки прочитывали газеты.

Пришел Симон. Он каждый день являлся сюда просмотреть почту. Газет, которые получал клуб, Симон не читал, чтоб они не мялись. Он их аккуратно подшивал и складывал в огромный шкаф, где они исчезали навеки. В этот же шкаф Симон ставил книги — новенькие, блестящие, нетронутые.

— Ты глупая,— поучал он Ануш, глядя на разбухшие, истрепанные книги библиотеки.— Ты красивую, дорогую книгу припрячь. В случае проверки или из города кто приедет — поставишь на видное место.

Ануш сидела, просматривая новые книги, немного усталая и грустная. К ее столику подсел дядя Якуб, уже немолодой колхозник, любитель исторических романов и книг о мироздании.

— Я слышал, ты сегодня из города новости привезла?

Ануш не поняла.

— Да насчет хлеба...— Дядя Якуб пошевелил коричневыми, огрубелыми пальцами.— Это, конечно, как я понимаю, глупость. Как это — не будут продавать? Кто запретит? Но все ж таки мне интересно, где ты это слышала?

— Слышала,— упрямо сказала Ануш.— Точно слышала! И еще слышала, как наш колхоз спекулянтом называли.

— Это как «спекулянтом»? — В маленьких светлосерых глазах дяди Якуба была живая заинтересованность.

— Ну, какие спекулянты бывают...— немного растерялась Ануш.— Картошку продаем, хлеб покупаем.

— Тоже глупость. Этого умный человек не мог сказать,— снисходительным тоном разъяснял дядя Якуб.— Свободная колхозная торговля советским правительством не возбраняется. И если один колхоз другому помог, тоже государству не убыток. На то и колхозный строй.

Люди с интересом прислушивались к разговору. Дядя Якуб говорил уверенно, неторопливо.

— Колхозный строй! — горячо сказала Ануш.— Вот он, колхозный строй.— Она вынула из старого портфелика листок со своими расчетами.— Вот мы как должны были жить в нашем колхозе!

Дядя Якуб полез в нагрудный карман гимнастерки, вынул очки, приладил их и потом осторожно взял листочек. Он читал громко, медленно, а когда запинался на каком-нибудь слове, Ануш, волнуясь, подсказывала:

— Эти сады можно было на восточном склоне Капут-горы разбить — там канал думали провести... К этому году поголовье у нас удвоилось бы...

— Так,— сказал дядя Якуб, окончив читать.— Это не Арменак составил. Тут предусмотрено долги заплатить. При Арменаке у колхоза долгов не было...

Кто-то вырвал у него листок и пустил по рукам.

— На бумаге все можно написать,— промолвил дядя Якуб.— Сто раз скажи «халва» — все равно во рту сладко не станет.

— А вот подожди,— раздался чей-то насмешливый мальчишеский голос,— как кубанские колхозники откажутся тебе хлеб продавать, а на трудодень у тебя нет ничего... Вот тебе сладко и станет!

— Что значит «откажутся»? Никак этого не будет. К примеру, у меня там друг есть. Он мне как брат родной, Евдоким Федорович. Живет очень культурно: дома у него телефон, баня с водопроводом. Хлеба полные амбары. Разве он мне откажет? Да никогда! Наша страна горная, хлеб родит плохо, значит, надо помощь оказать.

— Это ты своему Евдокиму заливай! — гневно перебила Якуба тетка Варсо.— С каких

это пор наша страна хлеб не родит? С тех пор, как вы с председателем озимые по косогорам сеете, где весь снег ветром сдувает? Может, и картошку наша земля не родит? Первые мы были по картошке, а где она сейчас в колхозе?

— Жадность, что ли, тебя одолела, Варсо? — ехидно спросил дядя Якуб. — Ведь я помню, как ты на земляном полу валялась. Теперь в новом доме живешь, дети у тебя в люди вышли. И все тебе мало!

— Не ты мне дом построил, не ты моим детям книгу в руки дал! — огрызнулась Варсо. — И я не с тебя спрашиваю, я с колхоза спрашиваю! Он для меня, я для него. Имею право спросить. А ты ездишь по людям, срамишь только нас.

— Это я, значит, плохо сделал, что вам на Кубань дорогу показал? Лучше было на работу без куска выходить?

— Может, и лучше! — не унималась Варсо. — Раньше бы за ум взялись. Вон у твоего Евдокима дома телефон, а ты, дурак, залепил себе глаза мешком чужой пшеницы и тому рад!

Якуб плюнул и ушел, хлопнув дверью, не взяв никакой книги.

Ануш унесла книги в хранилище. Там стоял Симон. Вид у него был недовольный.

— Ну для чего ты рассказываешь, как нас обозвали? — вполголоса, чтоб не услышали в читальне, заговорил он. — Мало ли что пьяный человек сболтнул! Не знаешь наших людей? Сейчас понесут из дома в дом...

— Пусть понесут, — ответила Ануш, — может, кому и стыдно станет.

— А тебе-то что? Ты свою работу делаешь, свою зарплату получаешь?

— Я здесь не чужая, — с сердцем сказала Ануш. — Мой муж на этот колхоз всю свою силу отдал. Моим детям здесь жить. А мы все, как слепые, ничего не видим и не видели.

— Кто это не видел? Очень даже видели. Я сколько добивался, чтоб меня с секретарства сняли! У меня это все вот где сидело. — Симон ребром ладони ударил себя по кадыку.

— Значит, ничего нельзя сделать? Так и будем жить?

— При Чупикяне так и будет. Ему дают план на всю землю, не смотрят — болото, не смотрят — глина. Он все молчит...

— Теперь этого не будет! Сами колхозы могут решать, что где сеять.

Симон твердил одно:

— Человек своим местом дорожит. У тебя тоже муж председателем был, должна понимать.

— Ну, ты Армена с Чупикяном не равняй! — сурово сказала Ануш. — При Армене наш колхоз на выставке участвовал.

Она больше не стала слушать, вернулась к своему столику. День кончался.

Дома дети и бабушка спали при свете маленькой лампочки. Ануш подошла к кровати и осторожно прижалась лицом к ручке Ашотика.

Бабка, не признающая пружинных кроватей, спала на тахте под двумя толстыми шерстяными одеялами. Проходя мимо, Ануш, как всегда, подоткнула край одеяла бабке под спину. Обычно сон у старухи был крепкий, но тут она сразу открыла глаза и сказала непримиримо:

— Не старайся! Будто бы уж очень заботишься о свекрови. А что у самой на уме? Не беспокойся, ты еще и подумать не успела, а свекровь уже все знает!

— Спи, мать, — тихо сказала Ануш и быстренько влезла под одеяло.

Старуха села, свесив с тахты ноги.

— Ну, вот что: я свое согласие даю. Но вы должны помнить, кто старший в доме. Чтоб я уважение видела. А нет — уйду и детей заберу. Это — мое последнее слово.

Ануш открыла глаза. О чем она это говорит?

— Что делать? — горестно вздохнула бабка. — Не дожить бы мне до этого дня! Пусть он войдет в дом, — продолжала она сурово, — я не препятствую. Пусть станет опорой детям.

Старуха закряхтела, стаскивая шерстяные чулки, потом, наморщив брови, стала что-то считать, шевеля губами.

«Сватать меня приходили! — поняла Ануш. — Но кто?»

Эта догадка не вызвала в ней ничего, кроме грусти. Но все-таки было любопытно: кто же это решился посватать вдову Армена?

Бабка кончила свои беззвучные подсчеты.

— Этот Галуст, что ли, на ферме работает... моложе тебя... Лет двадцать пять ему будет. Он в том году родился, когда у нас большой амбар сгорел. Ну, это ничего. Умная женщина так повернет, что молодой муж во всем ее совета спросит. Человек на такой работе, что сыром, маслом семью обеспечит. Свадьбу справлять нечего. Ты не девушка. Распишетесь — и все. Слышишь меня?

— Слышу, — тихо сказала Ануш.

— Все-таки мужчина в доме будет. Осенью картошку продадим — на Кубань за хлебом поедет. Еще одну корову купим.

— Хватит тебе, мать. Спи лучше. Я замуж выходить не думаю.

Бабка отмахнулась. Конечно, Ануш так и должна говорить. Какая женщина признается, что хочет замуж? Стыд ведь есть...

Старуха стала укладываться. Укуталась со всех сторон одеялом и затихла.

Ануш лежала на спине, слезы стекали по вискам, щекотали уши, мочили волосы. Ей трудно было двинуться, вытереть глаза, лечь удобнее.

«Ах, Армен, ах, Армен! — все повторяла она про себя. — Для большого дела ты жил. Как ты любил детей, что стало с этой любовью? Другой человек войдет в дом, твои дети скажут ему «отец»... Как это можно, чтоб имя твое забылось? Ведь ты мне такие слова говорил о своей любви. Как мне теперь чужую любовь принять?»

— Мама, ты плачешь? — вдруг тихо спросил Ашотик.

Ануш замерла, собрала все силы и сказала ласковым шепотом:

— Что ты, родной мой, о чем маме плакать, когда ты у нее есть? Спи, мой золотой сынок...

Многое создано на утешение и радость человеку — и, конечно, раннее летнее утро, когда на бесцветном небе лежат синие перышки облаков, воздух неподвижен и свеж, а земля теплая и сонная. Но как быстро летят утренние часы! Подоишь корову, выпустишь кур, разожжешь печку — и уже облака из синих стали золотыми, подул ветерок, зашумели деревья, взошло солнце.

— Не забудь, скажи, чтоб дров привезли! — распорядилась бабка. — Я больше детей в лес не пущу.

Встречаться с председателем Ануш не любила. В ее присутствии Саро Чупикян мрачнел, говорил односложно и никогда не смотрел ей в лицо. Она своим существованием напоминала людям другие времена и перемены, в которых, как казалось Чупикяну, он не был виноват. Но люди вокруг винили его, ставили ему в пример Армена. А самую большую неприязнь вызывает тот человек, которого нам постоянно ставят в пример.

Но, что поделаешь, идти к нему надо. Покос начнется, тогда ни быков, ни лошадей не допросишься. И так уже на ближних лугах начали косить. Возле клуба собрался народ, у многих за плечами косы. Ануш взглянула на свои ручные часики — поздно колхозники выходят на работу. Не спешат. И что их могло заинтересовать у фанерного щита, на котором висела пожелтевшая газета?

Ануш подошла ближе. Возле стенгазеты стояли косари, колхозный конюх, бригадир-полевод Грикор Даян...

— Все тут верно, — говорил Даян. — Все это могло у нас быть, все сами упустили...

Ануш с трудом протиснулась к газете. Конечно, это был старый, надорванный в нескольких местах первомайский номер, но в самой середине газеты висел листок, на котором она вчера вела свои подсчеты. Ануш оглянулась вокруг. Кто прикрепил сюда эту бумагу? Она сорвала листок и смяла его в кулаке.

— Ты писала? — спросил ее Даян. И добавил: — Правильно написала.

Не ответив ему, Ануш повернулась к парням:

— Вам давно пора в поле быть.

— Успеем! — весело крикнул один.

Но другой хлопнул его по спине и сказал извиняющимся голосом:

— Да что, тетя Ануш, косилки еще неисправные, а косой много ли наработаешь?

Ануш пошла к сельсовету.

У родника две девушки набирали в ведра воду. Ступая по камешкам, чтоб не запачкать грязью туфли, Ануш обошла деревянную колоду, в которую стекала прозрачная струйка воды, и стала подниматься на горку.

К роднику, разбрызгивая копытами грязь, подъехала лошадь. Ануш обернулась — на лошади сидел Саро Чупикян. Брюки его хорошего серого костюма были заправлены в сапоги, как всегда, он был при галстуке и в мягкой шляпе, которую мальчишки называли «цилиндром».

Чупикян стал говорить с девушками. Ануш не слышала его слов, но поняла, что он их бранил — сперва негромко, а под конец стал кричать хриплым, сорванным голосом.

Девушки стояли молча. Потом одна из них, Нуник, дочь кузнеца Маркара, засмеялась в лицо председателю, ухватила свои ведра и пошла прочь.

У сельсовета стояло несколько человек. Люди молча смотрели на председателя.

Он крикнул девчонкам:

— Вам было сказано: с утра выходить на работу? Вам было сказано, лодыри, бездельники бессовестные!..

Позади Ануш стояли два колхозника: Акоп Садоян и Самвел Будумян.

— Вот нажимает наш председатель! — сказал Самвел. — Теперь дело пойдет!

— Кошку бьют — невестке наветки дают. Это он нам внушает, — отозвался Акоп.

Саро Чупикян, ни на кого не глядя, привязал лошадь к столбу, поднялся по ступенькам и хлопнул дверью.

Акоп перебирал персиковые косточки четок. Самвел сказал с оттенком восхищения в голосе:

— Ой, бедовая девка, эта дочка Маркара! Отчаянная девка!

— Что ж, — с горечью отозвалась Ануш, — старшие не будут работать, с кого молодежи пример брать?

На крыльцо вышел Чупикян:

— Что это за базар? Собрание устроили? Какое время болтовней заниматься! Разговаривать все научились, работать некому!

— Ох-хо-хо!.. — нарочито громко вздохнул кто-то в толпе.

— Я эти бабские сплетни прекращу! Ходят тут... Агитаторы!

Намек был так ясен, что все обернулись к Ануш. Ее будто облило чем-то горячим. Кровь прихлынула к лицу и к сердцу. Но Ануш не двинулась с места, стояла, глядя пря-

мо в лицо Чупикяну. Тут ему пришлось посмотреть ей прямо в лицо.

— Мне известно, кто под мое место подкапывается, кому я с первого дня поперек дороги стал! Уже за моей спиной распоряжения отдают, машину по своему усмотрению гоняют, листки расклеивают. Интересно, что бы тут при вашем руководстве было? Какие бы достижения имелись?

Больше Ануш не могла молчать.

— О достижениях сказать не могу. Одно знаю — не было бы у колхоза вечного долга, засоренных полей и позорной славы.

Она повернулась и пошла мимо расступившихся людей, больше всего стараясь не заплакать и не уронить своего достоинства.

Вечером в библиотеку примчался маленький Хечо:

— Ануш, тебя счетовод Петрос в сельсовет зовет, иди скорей!

Ануш посадила за столик девушку-книгоношу, одну из своих добровольных помощниц, и пошла в сельсовет.

Петрос Газарян был новый секретарь парторганизации, выбранный вместо Симона. Неразговорчивый, педантично-аккуратный, он работал счетоводом колхоза.

— Этот будет непроворный, да покорный,— посмеивались над ним колхозники.

Но Петрос оказался не таким уж покорным. Он с первых дней крепко повздорил с Чупикяном, и согласной работы у них не получалось.

По дороге в сельсовет Ануш пыталась угадать: для чего ее может звать Петрос? Уж не Чупикян ли пожаловался? И, внутренне ожесточаясь, она готовилась высказать все свои горькие мысли о колхозе, о жизни села, о Чупикяне.

Но в маленькой, пропыленной и неуютной комнате сельсовета, где обычно вечерами сидел секретарь, было много народу. Остановившись у дверей, Ануш увидела и Варсо, и Грикора Даяна, и еще многих сельчан.

— Собрание будет? — удивилась она.— Почему раньше не известили?

— Сегодня у нас не собрание,— ответил Петрос.— Просто мы, коммунисты, хотим поговорить о своих делах. Проходи, садись!

Все провожали глазами Ануш, пока она шла через комнату. Ей стало неловко. Ануш показалось, что все от нее чего-то ждут. Раньше всех заговорила Варсо. Она сказала громко, уверенно:

— Значит, народ так надумал: хватит! Чупикяна гнать надо. Думаем тебя председателем посадить.

Этого Ануш никак не ожидала.

— Ты что, смеешься?

— Э-э,— протянул Грикор Даян,— совсем не по порядку говоришь, Варсеник! Что значит «посадить»? Партийная организация есть, райком есть, общее собрание... Раз — два это не делается.

— В райкоме нам навстречу пойдут,— пообещал Петрос.— Очень много дела у нас, а руки связаны...

— Но почему я? Что у меня в руках? Разве нет других подходящих людей? — взволнованно спрашивала Ануш.

— Что тебе сказать? Ты человек справедливый, уважаемый. Тебе доверие есть. От Арменака тоже кое-чему выучилась, не без этого.

— Это Чупикян хорошо подсказал,— усмехаясь, говорил Даян.— Я сегодня, как от него это услышал, так себе палец и прикусил. Нет, Ануш, ты для нас подходящий человек! Нам с тобой много надо сделать.

— Мне помощь нужна,— прямо глядя на своих сельчан, сказала Ануш,— мне большая помощь нужна будет.

Она встала, прижав руки к груди, слишком потрясенная для того, чтобы обдумывать свои жесты и слова.

— Развалили мы свой дом, надо его сообща строить! — сурово проговорила тетка Варсо.

И все, что долго лежало у каждого на душе, было высказано в эту короткую летнюю ночь...

Когда все вышли из прокуренной комнаты, небо на горизонте уже чуть светлело. Мужчины разошлись по домам, а Варсо и Ануш все стояли у темного переулка.

— Знаешь, что я вспомнила...— говорила Варсо.— Ведь мой Цолак уже после смерти отца родился. Двадцать пятый год ему теперь. И так я по мужу горевала, что совсем больная сделалась. В больницу меня отвезли. Иду я оттуда с ребенком на руках, думаю: что меня дома ждет? А мой старшенький, Ваган, слышал, что, когда ребенок появляется, для матери яичницу с медом жарят. Ну, масла у него нет, меду тоже нет, а две курицы неслись. Набил он в кастрюлю яиц, на огонь поставил, встречает меня. Яичница без масла горит, дым идет, дома грязь, развал. Села я, ем эту яичницу, слезами плачу, а сама говорю себе: «Не пропаду, не пропаду!» И что ты думаешь, не пропала! За колхоз уцепилась, за народ уцепилась — и не пропала...

— Ты что, агитируешь меня? — усмехнулась Ануш.

— Сердца я тебе придаю,— серьезно ответила Варсо.

Ануш не вошла в дом. Она стояла на деревянном балконе, прислонившись к столбу, и смотрела, как постепенно светлеет небо. Жизнь, которую она предназначала себе — размеренная, спокойная,— ушла. Тихий уют ее книжного мира, сознание честно выполняемого долга предстояло сменить на ежедневную борьбу с трудностями, с природой, с самой собой. Теперь никогда не скажешь: вот уже все выполнено, завершено, отдохну... Как дорога, которой нет конца...

Где-то скакала лошадь. В тишине четко было слышно, как цокали копыта. Всадник спрыгнул с седла, привязал поводья к дереву, перекинул через плечо ковровую переметную сумку и вошел во двор.

— Галуст! — окликнула его Ануш.

Она вдруг вспомнила то, что с ним связано, вспомнила события вчерашнего дня и удивилась: ей показалось, будто все это было в далекой, другой жизни.

Галуст Кочинян посмотрел на нее радостным и немного растерянным взглядом. Он был в новом костюме. Пиджак, надетый на толстую рабочую рубаху, стеснял его большое тело. Легким движением он сбросил с плеча сумку и положил ее у дверей дома.

— Там две головки сыра. Для детей я привез.— Он подошел к Ануш вплотную и взял ее за руку.— Ну, здравствуй!

«Он уже себя хозяином чувствует»,— подумала Ануш и усмехнулась.

Галуст на ее усмешку ответил счастливой улыбкой.

«Да не меня вовсе он любит,— вдруг поняла Ануш.— Когда это успел полюбить? Он свою будущую жену любит...»

— Что ж ты молчишь, Ануш? Тебе нечего мне сказать?

— Не будет того, что ты ждешь, Галуст!

Он не сдвинулся с места, только выпустил ее руку.

— Понимаю: ты считаешь, я недостоин?

— Нет,— быстро ответила Ануш,— я тебя высоко ценю.

— Может, насчет детей сомневаешься? Как зеницу ока беречь буду!

Ануш гордо подняла голову.

— У меня такие дети, их каждый полюбит! Об этом я не думаю.

— О чем же ты думаешь? — с горечью спросил он.— Скажи, может, это и мне интересно.

Что ему сказать?

Он расстегнул пуговицы пиджака и расправил плечи. С его лица сошло выражение счастливой растерянности. Лицо стало упрямым.

— Эх, Ануш, Ануш! — Галуст резким движением заложил руки за пояс.— Я мечтал: брошу ферму, заберу тебя, уедем жить в город... Широкие планы у меня были для нашей жизни!

Ануш подняла на него светлокарие глаза.

— Мой дом здесь. Мне и здесь хорошо.

— Ничего здесь хорошего нет! — ответил он сердито.— Ты думаешь, я не знаю, как ты живешь? Тебе вон даже дров привезти не хотят. Какая здесь жизнь? Что я на ферме по ложкам накапливаю, то Чупикян ковшом выплескивает...

— А ты молчишь? Тебе все равно?

Галуст услышал осуждение в ее вопросе. Ему захотелось оправдаться перед этой женщиной, показать себя хорошим, с возвышенными мыслями, честными поступками, каким он чувствовал себя в душе.

— Ты пойми, Ануш, какой я человек! Другой, конечно, на моем месте с Чупикяном склоку заварил бы. Но во мне благородство есть. На ферме работаю, ферму поднял. Хочешь, в райкоме спроси, на каком я счету!

Он показывал себя с лучшей стороны. Может быть, Ануш этого не знает? Может быть, она переменит свое решение?

Ануш ответила непонятно:

— Хорошие работники нам на ферме очень нужны.

— Ты мне ответа не дала...

— Все я тебе сказала,— вздохнула она.

Галуст с поникшей головой, теребя в руках фуражку, пошел по дворику, тяжело шаркая ногами.

— Подожди! — крикнула с крыльца Ануш.— Сумку свою возьми.

Он махнул рукой и стал отвязывать лошадь.

— Ступай сюда,— вторично позвала женщина.

Галуст послушно вернулся.

— Чтоб этого не было! — жестко сказала Ануш.— Отвезешь и сдашь в кладовую!

— Какие слова ты мне говоришь! — Галуст рванул сумку и выбежал на улицу.

Было совсем светло. Солнце уже вылезло на верхушки гор. Ануш вошла в дом.

— Никакой чести нет у людей! — ворчала бабка, возясь у шкафчика с едой.— Молодая ты, что ли, под окнами с самой зари любезничать? Хоть бы соседей постыдилась!.. Когда я была еще девушкой и жила в доме своего отца...

— Дай завтракать, мать! — коротко приказала Ануш, садясь за стол.

И бабка вдруг сразу замолчала, удивленно глядя на невестку старчески круглыми глазами...

В маленькой АМЕРИКАНСКОЙ таверне

Джозеф НОРС,
американский журналист

Прелестная долина Делавэр в Пенсильвании.

Большинство людей, которых я здесь встретил, не искушено в политике. Это простые железнодорожники, работающие в паровозных депо, или ремесленники, плотники, каменщики, рабочие, которые строят дома в этой холмистой зеленой местности. Это средние американцы, в большинстве своем люди тяжелого физического труда...

Здесь редко можно услышать откровенное мнение о «духе Женевы» или даже о посещении советской сельскохозяйственной делегации. Еще не наступило время, когда американцы смогут открыто проявлять свои чувства. Но было бы глубокой ошибкой думать, что люди здесь ничего не понимают в политике, что мысль их убита. Я знаю этих людей достаточно хорошо, чтобы видеть, что кроется за их замкнутыми лицами, ибо это моя родина, здесь я вырос и двое из тех, кого я встретил, были моими школьными друзьями.

Мы сидели в маленькой таверне на холме, откуда открывается вид на спокойные воды широкой реки вблизи Пенсильванской железной дороги. Сюда рабочие заходят после работы выпить пива. Они, я знаю, хорошие члены профсоюза, хорошие мужья и отцы, добросовестные рабочие в тех случаях, когда у них есть работа. Двое из них ветераны первой мировой войны, а двое, помоложе, — второй.

Они говорили о рыбной ловле, о бейсболе, о семейных делах или о работе, спорили о преимуществах «Шевроле» перед «Фордом». По обоюдному молчаливому согласию, не нуждающемуся в объяснениях, они не говорили о политике.

Здесь подолгу сидят, потягивая пиво.

Невысокий, коренастый человек средних лет с седеющими висками сказал, что он бросает работу раз и навсегда, и все засмеялись.

— Вот уже двадцать лет, как ты ее все бросаешь,— заметил старик лет шестидесяти с морщинистым лицом и редкими седыми волосами.— Ну и бросай! Не говори нам больше об этом. Бросай, и все тут!

А светловолосый парень со шрамом на щеке спросил:

— Что же случилось на этот раз?

«Бросающий» тянул свое пиво.

— Ничего, просто двадцать лет на одной и той же работе. Вот и все. Помнишь песенку «Двадцать один год с неподходящей женой»? А я вот двадцать лет на неподходящей работе. Я хочу уйти — вот и все. Спать сколько влезет. Проснуться утром, посмеяться над будильником и выбросить его в окно, повернуться на другой бок и снова заснуть.

Шутки были дружеские.

— Двадцать лет мы уже слышим эту песню,— сказал самый старый. Он механик и знает своего друга очень хорошо.

Заказали еще по кружке пива. Невысокий, коренастый рабочий, попыхивая трубкой, мечтательно продолжал:

— И я хотел бы ходить на бейсбол после обеда, вечером — в кино, спать вволю и тоже вышвырнул бы утром проклятый будильник за окно, а потом бросил бы все и уехал жить на ферму.

Слово «ферма» было произнесено, и кто-то тут же вспомнил о советской сельскохозяйственной делегации. Разговор перешел на эту тему. Все были свои за этим столом, они доверяли друг другу, и один сказал, что русские кажутся хорошими ребятами. Другой удивился:

— А почему бы и нет, черт возьми!

Тогда вставил слово старый механик:

— А вся эта болтовня о большевиках! Всю жизнь я слушал ее. Всякий мелкий политикан распространялся по этому поводу; а как доберешься до сути дела, так большевики оказываются обыкновенными людьми, работающими, чтобы жить.

Как я говорил уже, мои друзья не были, что называется, искушенными в политике. Однако трое из них, я знаю, голосовали еще за Франклина Д. Рузвельта во время «нового курса», а самый молодой голосовал за Эйзенхауэра. Большинство этих рабочих держалось демократической партии, так как считало ее ближе своим интересам, чем республиканскую. Однако им было приятно, что республиканец Эйзенхауэр ездил в Женеву.

И скоро они стали вспоминать в своей обычной манере о совещании «на высшем уровне». Они не называли его так; они не прибегали к метафорам и сравнениям. Они говорили о людях, а не о политике. Самый молодой из них, со шрамом на щеке, бывший солдат, сказал, что Булганин показался ему приятным человеком. Другой сказал, что и Хрущев ему тоже нравится, «симпатичный такой». Они поговорили также о том, что «Жуков и Эйзенхауэр делились воспоминаниями, как старые фронтовые товарищи».

Бармен — суровый малый, читающий газеты,— вмешивается в разговор. В его словах чувствуется влияние передовых статей «Нью-Йорк дейли ньюс»:

— Итак, Айк встретился с русскими, русские встретились с французами, англичане встретились с русскими, и они пили шампанское за здоровье друг друга.

Старый пенсильванский рабочий, пославший пятерых своих сыновей на войну с фашизмом.

Их лица сияли улыбками и благожелательностью. Но к чему все это привело? Все разногласия остались!

Именно так многие газеты ставят этот вопрос, и люди, которые собрались здесь, подводят итоги.

— Это значит, что надо встречаться еще и еще,— сказал старый механик.— Прежде всего мы должны узнать друг друга, тогда мы увидим, что мы все похожи друг на друга, мы люди, которые работают, чтобы жить. Может быть, если мы все докопаемся до сути дела, войны не будет.

Рабочий, который «навсегда оставлял работу», засмеялся.

Уголок одной из маленьких таверн.

— Братья! — начал он пророчески.— Войны не будет.— Поставив кружку на стол, он продолжал:— Посмотрите, два парня направили ружья друг на друга. Оба ружья заряжены. Каждый настороженно следит за противником. И тут один говорит другому: «Давай поговорим». И второй отвечает: «Ладно». И они кладут свои ружья на стол и начинают разговаривать. Так же и это. Правда?

Остальные согласились.

Затем за столом потолковали немного об атомной и водородной бомбах, говорили о мире и о войне, о советской сельскохозяйственной делегации и о делегации советских журналистов.

Таков тот разговор, который я услышал в маленькой таверне долины Делавэр.

То, что говорили эти люди, можно услышать повсюду в стране. Мои друзья, работающие на предприятиях Нью-Йорка, рассказывают, что эти важные вопросы обсуждаются в каждую свободную минуту.

Хотя большинство американцев не знает ни фактов, ни цифр о Советском Союзе и имеет весьма искаженное представление о его политической системе, они отлично сознают его моральную силу. Возможно, что они не соглашаются с коммунизмом (как они его себе представляют), но они согласны с принципами сосуществования, понимают необходимость борьбы за него. Короче, они предпочитают жизнь смерти. Многие американцы старше тридцати лет помнят необыкновенное мужество, проявленное советским народом в разгроме гитлеровской военной машины. Они помнят Сталинград.

Я думаю, то, что люди узнали вчера, они не забыли сегодня. Забыла об этом, правда, небольшая кучка влиятельных американцев, которые боятся дружбы между двумя державами. Эта «забывчивость» отражается сегодня на некоторых газетах и выступлениях. Но колесо истории уже сдвинулось, и нелегко будет повернуть его обратно.

Американские рабочие, которых я встретил в маленькой таверне, считают, что двое людей с разными взглядами, разным происхождением и положением могут быть друзьями.

— А если люди могут,— сказал старый механик,— то могут и государства.

У ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

В Лос-Анжелосе мы узнали о том, что в одном из пригородов на берегу Тихого океана живет Лион Фейхтвангер.

«Иудейская война», «Лже-Нерон», «Семья Оппенгейм», «Еврей Зюсс», «Безобразная герцогиня» и другие книги писателя широко известны в Советском Союзе. Как же мы, находясь в Калифорнии, могли не повидать этого замечательного писателя?!

Мы сообщили о нашем желании представителю государственного департамента Фрэнку Клукхону, сопровождавшему нас в поездке по Америке. Неожиданно просьба натолкнулась на препятствия. Фрэнк Клукхон смущенно сказал:

— Пусть этот парень приходит сам к вам в отель.

Мы засмеялись:

— Этому «парню» пошел восьмой десяток.

— У нас есть данные, что он «красный»,— вяло отбивался от нас Клукхон.

— В смысле цвета нам трудно ориентироваться: никто из нас Лиона Фейхтвангера не видел. Но если вы мировоззрение определяете по методу спектрального анализа, то нам все же кажется, что сведения у людей, с которыми вы советовались по поводу нашей просьбы, не точны... Для нас он просто один из самых крупных писателей, живущих сейчас на земле... Так что настаиваем! — твердо заявили мы.

Мы были раздражены. И не только этим. В один из вечеров мы не смогли пройти в пресс-клуб, помещающийся в самой гостинице, так как фойе оказалось забито пикетчиками. Пресс-конференция началась с опозданием на час, после того, как пьяные хулиганы, плохо знающие английский язык, были выдворены за пределы отеля. После пресс-конференции журналисты и просто жители Лос-Анжелоса приглашали нас к себе домой на кофе. Мы собрались было отправиться к ним, но переводчик из государственного департамента попросил нас «не делать этого».

Не слишком ли много запретов для советских журналистов, приехавших в страну, называющую себя свободной?! Мы решили, что многовато, и, заявив об этом Фрэнку Клукхону, сказали:

— Если нам не будет предоставлена возможность посетить Лиона Фейхтвангера, мы прерываем поездку по Америке и возвращаемся в Советский Союз.

На другой день невыспавшийся Фрэнк сообщил нам:

— Пожалуйста, господа, вы можете посетить писателя Фейхтвангера.

...И вот два черных «Кадиллака» мчатся по широким автострадам Лос-Анжелоса, влившись в потоки сверкающих всеми красками машин. Нас обгоняют белокурые девушки, у которых цвет шляпки и перчаток гармонирует с цветом машины. Нас обгоняют спортивного вида джентльмены, в машинах которых болтаются на вешалках пиджаки. Обгоняют пожилые женщины в темных вуалетках. Машины, мчащиеся по автострадам Лос-Анжелоса, напоминают снаряды, выпущенные из катапульты. На этих автострадах штрафуют за тихое движение... Но вот наши машины резко сворачивают с широкой автострады вправо и начинают взбираться по крутой, узкой дороге, с двух сторон которой за каменными высокими заборами расположены загородные дома. У одного из таких домов останавливаемся. Да, здесь живет писатель Лион Фейхтвангер. Нас встречает черноглазая женщина средних лет с острым белым лицом. Она секретарь писателя.

По каменным ступенькам спускаемся вниз, во двор, где шелестят эвкалипты и пальмы, озаренные красноватыми отблесками падающего в Тихий океан солнца.

Первое, что бросается в глаза после того, как переступаешь порог дома, это несметное количество книг. Книги всюду. В строгом порядке они стоят на высоких — до потолка — полках, пестрые переплеты многих собраний сочинений.

...Мы находились посреди большой комнаты с окнами, выходящими в сад. Послышались мягкие шаги. В комнату вошел хозяин дома. Он приветливо улыбался, протягивая нам руки. Первые минуты, как всегда, прошли в общих словах, приветствиях. Может быть, излишне внимательно мы рассматривали писателя. Вот он какой, оказывается, автор монументальных книг, знаток древности, мастер слова, создатель глубоких характеров! Небольшого роста, в туфлях на высокой подошве, в коричневом пиджаке, из-под которого виднелся теплый вязаный жилет, таким Фейхтвангер стоял перед нами, ласково прищурив глаза. Он был совсем седой, белые-белые волосы. Мы тревожно поглядывали на огненное солнце, по нашему мнению, слишком быстро скользившее в океан. Фотоаппараты оттягивали нам плечи, всем очень хотелось заснять писателя. Несмотря на торжественность момента, мы сказали об этом писателю. Фейхтвангер послушно пошел с нами на балкон. Все было скоро закончено, солнце нас больше не волновало, и все как-то успокоилось. Фейхтвангер спросил:

— Встречались ли вы с американскими писателями?

Мы сказали, что такие встречи впереди, по возвращении в Нью-Йорк.

Фейхтвангер обратился к Борису Полевому:

— Что нового в советской литературе?

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР. На фотографии надпись: «Читателям «Огонька». Лион Фейхтвангер. 4 ноября 1955 г.».

Полевой собрался было отвечать, когда в комнату вошла секретарь Фейхтвангера.

— Приехали репортеры из лос-анжелосских газет, они хотели бы присутствовать здесь.

На лице хозяина дома появилась мученическая гримаса, он вопросительно посмотрел на нас.

— Но я хотел бы поговорить с моими гостями спокойно... Я надеюсь, репортеры не обидятся...

— Не обидятся,— сказала решительно женщина и вышла из комнаты.

Через минуту она вернулась и сообщила:

— Все в порядке. Они уехали. Один из них на прощание сказал: «Хорошо, что советские писатели приехали к Лиону Фейхтвангеру».

Фейхтвангер улыбнулся.

— Значит, не обиделись.

Мы знали о том, что Фейхтвангер должен был сегодня выехать в Нью-Йорк. Нам тоже еще предстоял любезно организованный крупнейшими фирмами Голливуда просмотр трех кинокартин. За короткий срок хотелось больше узнать о жизни писателя, о его работе. Конечно, первым нашим вопросом был: «Что пишете?»

Фейхтвангер ответил не сразу.

— Я пишу...— Он опять улыбнулся.— Я всегда пишу.

— Пишет ночью и днем,— сказала жена Фейхтвангера, Марта, высокая загорелая женщина с живыми зелеными глазами.

— Мне уже семьдесят один год. Я должен бережно относиться к расходованию времени. Мне предстоит еще очень много сделать...

Чувствуя, что мы все ожидаем ответа, Фейхтвангер обвел нас взглядом и сказал:

— Пишу роман «Иафет и его дочь»... Сложная и трудная книга о том, как воин-завоеватель постепенно превращается в человека... Очень тяжело завоевывать мир в сердце человека. Требуются большие усилия для этого.

Фейхтвангер вдруг беспомощно посмотрел на нас. Что он мог большего сказать сейчас о романе, думами о котором, видимо, был полон и в момент встречи с нами?

— Забрался снова в историю... Действие романа происходит за тысячу четыреста лет до событий «Иудейской войны»... Вот...— Фейхтвангер снова посмотрел на нас.— Написал еще две пьесы: «Мария Антуанетта» и «Погоня за ведьмами в Салеме». Читают мои книги сейчас в Советском Союзе? — спросил он неожиданно.

— Еще бы! Только недавно вышел перевод «Гойи». Читатели хорошо встретили вашу книгу. Приобрести ее в магазине уже невозможно: тираж раскуплен...— ответил Борис Изаков.— Издательство собирается перевести вам гонорар.

— Что же,— сказал Фейхтвангер,— я тогда смогу купить немного редких книг, а жена — новые деревья для сада.

Едва Фейхтвангер заговорил о редких книгах и отошел от труд-

ных для каждого писателя ответов на вопросы о том, что он пишет и как пишет, он преобразился. Он подводил нас все к новым и новым полкам.

— У меня двадцать пять тысяч книг! — с гордостью говорил Фейхтвангер.— Первые издания Софокла на греческом языке из собрания родственника Микельанджело; четвертое издание Шекспира, как известно, ставшее основой для всех остальных изданий; книги Золя с его автографами; первое издание Плутарха, которым пользовался Шекспир; первые издания Гете, Шиллера...

Только возле одного шкафа он замолчал и коротко сказал:

— А это мои...— И пошел дальше.

Но мы задержались около этого шкафа. Объемистые книги с названиями на английском, немецком, русском, французском, итальянском и многих других языках занимали много полок.

— Вы знаете,— говорил нам Фейхтвангер, когда мы поднимались на второй этаж к нему в кабинет,— это у меня уже третья библиотека... Первая была конфискована фашистами в Германии, вторая — ими же в Париже... А это третья,— повторил он.

Большой кабинет с двумя сдвинутыми друг к другу столами. Книги, лежащие на столе стопками и вразброс. Рассыпанные цветные карандаши. Чистая бумага. Все вокруг стола было аккуратно, все стояло на месте, только стол, словно зеркало, отражал думы и поиски писателя. Две зажженные настольные лампы и бра, вделанные в книжные полки у стен, освещали кабинет мягким, спокойным светом. В камине лежал сухой хворост. Справа от стола на небольшом пюпитре — раскрытый географический атлас.

— Здесь у меня часто бывал Томас Манн... Мы с ним провели здесь много часов. Он читал мне все, что писал... Бывают здесь и другие писатели...

Мы поднесли Фейхтвангеру палехскую шкатулку. Марта обрадовалась:

— Какая отличная работа! Я давно хотела иметь такую.

Фейхтвангер надписал каждому из нас свою фотографию. Я попросил у писателя фотографию для опубликования в журнале. Он порылся в ящике стола и сказал:

— Только я здесь не один... Здесь еще кошка.

Но кошка нас не смутила. Фейхтвангер подошел к столу и подписал фотографию.

Прощаясь, Фейхтвангер сказал:

— Большое спасибо, что вы навестили меня. Я давно не видел советских писателей. Пусть первая ласточка принесет лето.

Мы пожелали Лиону Фейхтвангеру здоровья и успешного завершения всех его планов.

Через несколько минут наши черные «Кадилляки», сверкая фарами, вынеслись на автостраду, и мы растворились в гудящем потоке мчащихся в темноте машин.

* * *

На другой день в одной из лос-анжелосских газет было сообщено, что Фейхтвангер отказался принять советских журналистов. Видимо, кто-то из репортеров все-таки обиделся.

БАРРИКАДА НА КОЛЕСАХ

(Из поэмы «Машинист Ухтомский»)

Владимир КОТОВ

Дружина врывалась на станцию,
поселок гудком обрадовав.
У жандармов немели пальцы
на ручках стенных аппаратов.
— Стоп, начальство!
Задержим немножечко.
Сдать оружие!
Все до ножичка!

В темноте все цвета сливаются,
но теперь уже чувствовал всяк,
что над станцией
развевается
красный флаг!

В ночь тяжелую,
в тьму холодную,
заселенным, бессонным став,
шел-простукивал
всю подноготную
четырехвагонный состав.

Мимо леса и мрака будочного
он стучал, тишину прогонял,
будто первый посланец
будущего
путь-дорогу себе проверял.
И в глухие часы бессонницы,
в предрассветную зимнюю муть
были Люберцы,
были Бронницы,
до Коломны расчищенный путь.
Он появится —
власть огорчается,
ей опасна его правота.
Он появится —
и курчавятся
рассеченные
провода.
Как планета, важно вращается
краснореброе колесо:
хлещет паром он,
дышит жаром
миру старому
прямо в лицо!
И земля расстилалась шпалами,
иней веток
таял в дыму,
и покинутые
шлагбаумы
салютовали ему!
В топке жар
все сильней раздувается,
катит поезд железной стеной,
рассыпается,
расступается
даль седая Руси ледяной.
Рейс бессменной дорожной
бригады!
Он не только дорогу держал.
Были
уличных залпов раскаты,
капанчевские баррикады,
Николаевский серый вокзал.
И в глухие часы бессонницы,
в предрассветную зимнюю муть
были Люберцы,
были Бронницы,
до Коломны расчищенный путь.

Уголь тяжел и порист,
но не уголь — хозяин машины.
У Перово
воинский поезд
уткнулся
в ладонь дружины.
Оратор в куртке короткой,
с шевелюрой, уже не густой,
с аккуратной овальной
бородкой,
волнующийся,
простой.
— К баррикадам спешите,
солдаты!
Царя-батюшку защищать!
А скажите-ка,
чем вы богаты,
что имеете вы,
солдаты,
и в кого
вы хотите
стрелять!

— Кто таков!
Благородный и чинный,
да не белая, видно, рука.
— А это ведь
нашей дружины,
машинист Ухтомский...
Башка!
— Че-ло-век!
Все расскажет толком!
— А откель он!
— Да он...
Ну-ка, Вась!
— Поручил большевик ему,
Волков,
что на Пресню ушел,
связь!..
Колыхалась солдат громада,
то враждебна она,
то близка.
— Эй, возьми нас,
товарищ оратор!
Будем правду на суше искать.
Не снарядами бьем,
да точненько!
Что нам царь!
Не спасательный круг!..

Два матроса-дальневосточника
дело стронули,
а вокруг
трепет глаз, загореться
готовых,
закачавшиеся штыки.
— Вот берите
двести винтовок
и патроны...
И с богом, дружки!

Будто вихри
винтовки сдунули,
все дружина взяла —
хорошо!
Ощетинился поезд дулами,
повеселел
и пошел.

Вдаль уходят граненые рельсы,
путь вперед и тревожен
и мглист,
и спокойно командует рейсом
ставший батькой родным
машинист.
Фуражка. Околыш высок.
Узкий, крутой козырек.
С огнем его грозной доблести
предстоит еще встреча врагам.
А из топки
красные отблески
шмыгают по сапогам.
«Зорька», «Зорька»!
Над синим озером
ты летала в песной глуши,
а теперь ты,
моя паровозина,
революции
послужи!

Никакой суетливости,
точно
не махина в руках,
а часы,
все рассчитано,
все отточено,
все подкручено,
как усы!
Тише, «Зорька», не лязгай
и тряской
тех, кто дремлет в пути,
не буди.
На Самарской и на Рязанской
я составов таких не водил.
И не ведал я,
что сольются
здесь, на рельсах
стальных путей,
судьба моя
и Революция,
ставшая
тоже
моей.
И Ухтомский впивается зорко
в промозглую даль декабря.
«Зорька»!
Ты ведь еще только «Зорька»!
Будут
зарева,
зрелость,
заря...
Ветеран, старожил бородатый,
расскажи о дружине
прославленной!
Этот поезд
был баррикадой,
на стальные колеса
поставленной.
Он был рядом с Пресней
и, вторя ей,
дрался там,
где она дралась.
Он был правдою,
вместе с которою
рождалась
Советская
власть.

Г. К. Савицкий (1887—1949). ВСЕОБЩАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ЗАБАСТОВКА. ОКТЯБРЬ 1905 ГОДА.

Государственный музей Революции СССР.

А. М. Руднев. МИТИНГ НА ЗАВОДЕ «КРАСНЫЙ ФАКЕЛ» (бывш. Густава ЛИСТА).

Ю. П. Кугач. БАРРИКАДЫ. 1905 ГОД.

...Плелись
в надежде на милость помазанника.
Скор
ответ
величества
был:
«Пули в спины!
в груди!
и в лбы!»
(В. Маяковский).

Виден он
во все моря,
нету ярче фонаря!
(В. Маяковский).

Мир
перейдет
от слов к патронам.
Трон
капитала
треснется.
Вспомни тогда,
что у этого
трона
ножку
подбили пресненцы.
(В. Маяковский).

Царь испугался,
издал манифест:
мертвым свободу,
живых под арест.
Ну и конституция —
сахар и мёд!
Мертвым свобода —
живым пулемет.
Рот, улыбайся,
радуйся, народ!
Мертвым свобода —
живым...
наоборот.
(В. Маяковский).

ИЗ СЕРИИ САТИРИЧЕСКИХ ПЛАКАТОВ «ГРОЗНЫЙ ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЫЙ». Художник Н. А. ДОЛГОРУКОВ.

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ПЯТИЛЕТОК

Г. РАДОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

Кировский завод.

Небольшая эта книжица, к сожалению, незнакома многим посетителям ленинградской Публичной библиотеки. Студенты и школьники — солидный народ — важно требуют у библиотекарей тома попухлей, повесомей, а эта книжка, отнесенная в разряд брошюр, да еще и старых брошюр, лежит и лежит на полке.

Между тем одна ее обложка способна и взволновать и растревожить. Посмотрите-ка, что на ней написано:

«Отчет «Красного путиловца» рабочему классу и трудящимся всех стран».

А на титуле пояснено:

«Мы хотим рассказать, как мы боролись за пятилетку в четыре года, как преодолевали трудности на нашем пути».

Да, это книга о первой пятилетке. Краткая, тонкая, ни рассуждений, ни описаний: документы, цифры, портреты, фамилии. Вот предистория пятилеток... Фотокопия: «Представление к приему на работу... Михаил Иванов Калинин... токарь». Две приписки: одна печатная — «Очки получил», другая витиеватая, писарская — «На храм жертвовать не желает». Вот картина: семнадцатый год... Владимир Ильич держит речь перед путиловцами... Вот постановление Совнаркома «О передаче имущества акционерного общества Путиловских заводов в собственность Российской Республики». И тут же справка о том, что произошло после передачи: «Двести пушек, которые рабочие собирали во время империалистической войны за две недели,— для революции были собраны за два дня». А дальше — первый советский трактор, знаменитый «ФП», «Федор Петрович», как с нежностью называли его первые трактористы, и рядом суровое открытое признание: «Кустарщина душила нас со всех сторон. Мы боролись, как на фронте. Многие из нас ночи напролет проводили в мастерских». И слова Сергея Мироновича Кирова, высказанные им в те трудные дни: «Не знаю, готовы ли вы технически овладеть десятитысячной программой, но коммунистически вы к этому готовы и сможете не только выполнить ее, но и перевыполнить, на то вы и краснопутиловцы».

И опять справка: краснопутиловцы, отвечая партии, выдвинули встречный план — 12 тысяч тракторов,— и выполнили его, и за три года первой пятилетки дали народу 33 980 машин... И вслед за справкой россыпь имен и фамилий запевал, героев этого исторического дела: М. П. Решетов, Н. В. Кукушкин, М. Л. Альтман, А. А. Фомин, В. С. Дийков, У. З. Каримов, и еще, и еще...

Мы перечитали эту книжку поздним ноябрьским вечером, а на другой день сошли с трамвая у заводской проходной.

Кировский завод не музей, посещают его чаще всего по делу. Но как бы ни была буднична надобность, приведшая новичка к заводским воротам, и кто бы он ни был, этот новичок,— приемщик машины, ходок за опытом, ученый, ремесленник,— а уж непременно на какое-то мгновение остановится он у ворот, глянет на вывеску, задумается: не в эти ли ворота входил Ильич? Не здесь ли шагал Мироныч? И не отсюда ли студеной зимой 1930 года вышел, помахивая сундучком, отправляясь на Дон, полюбившийся народу герой «Поднятой целины» Семен Давыдов?

И мы задумались... Н. В. Кукушкин, М. П. Решетов, В. С. Дийков — где они, кто они сейчас, герои первой пятилетки?

...Кировцы хоронили Петра Автономовича Ипатова, любимого всем заводом дядю Петю, участника штурма Зимнего. Было пасмурно. Ветер с Балтики тащил сквозь частокол заводских труб грузные тучи. По проспекту Стачек за гробом шли сотни людей — старики, молодежь.

— Уходит старая гвардия! — негромко сказал кто-то в толпе.

— Уходит! — отозвался суровый голос.— Вот только так она и уходит: с поста на погост... Много ли он пробыл на пенсии, Петр Автономыч? Двух месяцев не пробыл. Гвардия! До последнего дня! Вон, смотри, дядя Миша...

Дядя Миша... Да, это шагал именно он, Михаил Павлович Решетов, тот самый Решетов, о котором в книжечке четверть века назад писали: «энтузиаст большевистской пятилетки».

Встретились мы на другой день. Мы уже знали, что дядя Миша — сын путиловца и брат трех путиловцев и что если собрать всех учеников дяди Миши, то их вполне хватит на цех средней величины...

Он пришел не один. Бритоголовый, усатый, с незатухающей смешинкой в ясных, светлых глазах, он пытливо поглядывал на друзей по первой пятилетке — подвижного темноглазого Михаила Львовича Альтмана и подтянутого, щеголеватого Александра Андреевича Фомина. Разговор пошел о делах сегодняшних, о молодежи, а мы смотрели на руки Решетова и его дружков и не могли отвлечься от одной мысли: этими руками был собран первый советский трактор, прародитель сотен тысяч машин, бороздящих наши поля. Этими руками! Конечно, не только этими, но именно Михаил Павлович Реше-

М. П. Решетов (слева) беседует с молодыми фрезеровщиками Галиной Ивановой и Анатолием Завьяловым.

тов был мастером участка, где зачинались трактора, и именно М. Л. Альтман, сын питерского слесаря и сам слесарь, как раз в работе над первыми тракторами стал технологом, а Фомин... Нет, впрочем, Фомин в ту пору был лекальщиком в другом цехе.

— И он пилил,— сказал дядя Миша.

— Что пилил?

— Шейку коленчатого вала опиливал для первой машины. По микрометру... Такая была технология,— вздохнул дядя Миша.

Все трое задумались, видно, припомнив тогдашние бои. Фомин сказал:

— Это что, технология... А вот, помнится, в пушечной перед японской войной...

— Ну, заладил! — мягко оборвал его дядя Миша.— Заладил про царя... Перед японской! Газетчики тебя, что ли, приучили? Распытывают только про древние времена. Да что мы с тобой — живые мощи? Все в прошлом у нас? — Он молодо повернулся к Альтману, спросил задорно: — Тебя что-то давненько не слыхать, Миша?

Альтман потупился:

— Я не шумлив.

— Не шумлив,— кивнул дядя Миша.— А все-таки... Ты же одним из первых путиловцев орден Ленина получил! Какой номер на ордене?

— Сто тридцать два.

— То-то же, что сто тридцать два. А теперь? Воюешь? Или молодежь обошла? Она-то ученая...

Он говорил строго, с вызовом, но глаза его ласково смотрели на Альтмана. Обронил, приобняв его:

— Нет, еще пошагаешь рядом с молодежью! Сейчас над чем задумался? Есть забота?

— Есть,— кивнул Альтман.

— На новую пятилетку?

— На новую.

— И... крупна?

— Очень крупна.

— Как тогда с тракторами? Или помельче?

— Примерно как тогда.

— О-о-о! — с удовлетворением протянул дядя Миша и повернулся к Фомину.— А ты все выдумываешь, живая душа? Выдумываешь, изобретаешь? — повторил он громко, зная, что Фомин туговат на ухо.— На счету сколько у тебя экономии? Миллион?

— Полтора! — отчетливо сказал Фомин.

— Полтора-а! — прищурился дядя Миша.— Ишь, как у вас... А я вот по-стариковски...

Он говорил о себе так, словно бы извинялся перед товарищами: вот, мол, вы поспеваете за временем, а я живу так себе, в тени — старость. Но наутро мы раскрыли газету «Кировец» и увидели фотографию. Перед многотысячным заводским митингом стояло два человека: директор завода И. С. Исаев держал в руке знамя Совета Министров, присужденное заводу, а рядом — плечом к плечу с директором — стоял, чуть пригнув голову, он, дядя Миша. Припомнилось: «А я по-стариковски» — и подумалось: герой первой пятилетки, старый человек, почему же именно он на пороге шестой пятилетки принимает знамя? Может быть, это из уважения к старости, к стажу, к боевым заслугам оказана ему такая честь?

Но в тот же день мы устыдились этой догадки. В конструкторских, в технологических бюро, у инструментальщиков — везде слышалось: Решетов... Решетов... А Михаил Григорьевич Литвинов, седоголовый ученик Фомина, развернувшийся во вторую пятилетку, а в третью получивший орден Ленина, видный инструментальщик завода, сказал о Решетове:

— Да это же нужнейший человек! Все пять пятилеток на самом переднем крае! Технический наладчик — это что же такое, позвольте спросить? Это же следопыт, разведчик среди металлистов. Конструктора и технологи, положим, запускают мудренейшую новинку, допустим, переворот в технике. Мы, инструментальщики, готовим к этой новинке снасть. А кто в нее, в новинку, душу вдохнет? Чья рука? Его, Решетова! Он и линию станков отладит и испытает оснастку, и он же получит первые детали по-новому... И он же за ручку подведет к налаженным станкам молодого рабочего, скажет ему «добро». Яснейшая голова, хотя и стар,— это всем видно, и образование его известное, нарвское, четыре класса, пятый — коридор. А вот все время у новшеств. Не знаменательно это? — живо спросил Литвинов.— Герой первой пятилетки благословляет новшества пятой пятилетки. Как считаете?

Он помолчал и сказал:

— В этом, если хотите, счастливейшая особенность нашего завода: ветераны не покидают передовую, и это у всех на глазах.

...Велик Кировский завод. Можно пять лет служить в кузнице и не знать сталеваров. И далеко не все кировцы знакомы между собой. Но вот со списком героев первой пятилетки мы пошли по цехам и тотчас услышали самые исчерпывающие ответы:

— Кукушкин Николай Васильевич? Жив дядя Коля! Да, дома он сейчас, ногу ушиб, но это временно, а так воюет. На тихой должности? Ничего себе тихая должность—начальник смены. Да еще в каком цехе! Фронт!

— Усман Захарович Каримов? Да вон он идет, видите? Заместитель начальника цеха. Что? Не похож на старый портрет? Посеребрились волосы? Так ведь время...

— Дийков? Тот Дийков, что был на Доске почета в тридцатом году? Он кем служил тогда? Токарем? Ну, давно уже мастер. Вон за тем строением его цех. Отменный мастер!

— Воропаев? Это какой Воропаев? Дмитрий Прокофьевич? Ах, вон что — первый изобретатель-миллионер? Действует! Нет, не у нас, по соседству, в научно-исследовательском институте. Зачем отпустили миллионера? Да ведь это тогда, в тридцатом, он был в дефиците, единственный миллионер. А сейчас их сколько у нас? Петр Андреич, загляните в свои бумаги: сколько их БРИЗ насчитывает, миллионеров? Трудно сосчитать? Больше десятка? А Зайченко считаете? А Карасева? Так-то с миллионерами...

Да, завод знает и помнит своих ветеранов. И не потому ли так крепка эта память, что от каждого ударника первой пятилетки протянулась по цехам длиннейшая цепочка?.. Фомин обучал Литвинова, но искра божия, вложенная Фоминым в литвиновскую голову, зажгла другие искры. У самого Литвинова тоже есть ученики, те, кто вырос под его рукой: Александр Петрович Залогин, заменивший Литвинова на участке, Марья Антоновна Федотова — лучшая разметчица Ленинграда, а от них перешел этот дар к совсем молодому фрезеровщику Колчневу. Нам захотелось увидеть тех, кто стоит на левом фланге этой цепочки поколений. Как они выглядят? Чем похожи они на ударников первой пятилетки? Чем не похожи? За советом пошли к Николаю Васильевичу Кукушкину — среди старых путиловцев он считается специалистом по молодежи.

Кукушкин, один из выдающихся деятелей Нарвской заставы, живет в небольшой скромной квартире на проспекте Стачек. Четыре года назад отпраздновали пятидесятилетие его службы на заводе, беспрерывной службы! В блокаду немецкая бомба разрушила жилье Кукушкина. Жену его Екатерину Ивановну, известную общественницу района, контузило, его самого ранило осколком снаряда, залетевшего в цех,— Кукушкин не покинул завод! Три революции, пятилетки, война, восстановление — и все на главном направлении. Если когда-нибудь создадут на заводе музей трудовой славы кировцев, для одних почетных грамот Н. В. Кукушкина придется отвести комнату — никак не меньше.

Полнолицый, грузный, он сидел на кухне у столика, заваленного бумагами, на краешке лежало письмо: «Дирекция, партком и завком поздравляют Вас, дорогой Николай Васильевич, с праздником и желают скорейшего выздоровления».

— Болею! — сказал он нетерпеливо и притопнул осторожно ногой.— И боль-то дурацкая: в голове светло, можно б работать, так вот нога...

Он сердито скосил глаза на ногу, вздохнул.

— Думал без бюллетеня отслужить пятьдесят пять лет — не получилось.— И придвинул к себе блокнот.— Вот, использую время...

Мы прочли одну фразу: «Есть у нас начальники, любят административный метод. Взыскивают. А поощрять ленятся. Не гоже...»

Что это? Статья в газету? Тезисы?

— Так, заметки,— уклончиво сказал Кукушкин.— Вот вы говорите: ветераны все на постах... Это верно, что на постах. Мы еще и новой пятилетке послужим. Да ведь есть у нас, стариков, и поважней функции...

Он глянул в окно, посуровел, бросил гневно:

— Лоботрясы!

За окном резвились парнишки, рослые, сильные.

— Паспорта получили, а вот... куда отцы глядят? В семнадцать лет парень труда не нюхал, что получится? Дети путиловцев, так ведь и закваску им нужно путиловскую... Вон Веденов Афанасий Григорьевич, главный наш металлург, этот по-нашински, по-путиловски распорядился сынком. Большой человек, известный, и связи есть в городе, мог бы, кажется, сына пристроить в институт. Нет, к станку поставил смолоду! А теперь этот парень технологом у нас в цехе. Техникум вечерами окончил, в институте заочно учится. Еще какой будет в новой пятилетке боец!

Кукушкин, чуть прихрамывая, прошелся по комнате и, словно продолжая свои заметки, заговорил:

— О резервах толкуем... В технике — резервы, в экономике —

В доме у Кукушкиных. Слева направо: Н. В. Кукушкин, Е. И. Кукушкина и М. Л. Альтман.

резервы. Согласны! Но где главный резерв? — Остановился он и снова глянул в окно.— Где? Да в людях же, понятная вещь. Но, замечу, в основном в молодых людях... Конечно, и Кукушкина еще рано в тираж, и Решетова, и Фомина. Но мы-то, как бы сказать, сила действующая, учтенная. За нами кто идет? Молодежь тридцатых годов? Литвиновы? Но и у них уже седые головы... А вот за ними кто идет — это уже интересно! Народ-то свежий, сил в этой пятилетке поднакопил, а уж в той развернет плечи. Как развернет? Что? Похожи ли они на нас, молодые? А вы наведайтесь к Коле Цабунину, из нашего цеха парень. Вот-вот, поговорите.

Николай Цабунин был в отпуску, и, провожая нас к нему, на Петроградскую сторону, товарищ из заводской газеты сказал: «О, у Коли Цабунина грамот этих не меньше, чем у Кукушкина, известный человек!» Реплика насторожила, да, по правде сказать, насторожили и первые минуты разговора. Цабунин — невысокий, плотный, живой, очень моложавый даже для своих двадцати семи лет — сразу же достал грамоты, вырезки из газет, распахнул шкаф, показал книжки. Не очень-то скромно все это выглядело. Но мы пересчитали вырезки, прикинули, сколько литераторов и фотографов побывало в этой квартире, и все стало понятно. Конечно же, каждый спрашивал грамоты, и каждый для описания культурного кругозора передовика лез в его книжный шкаф. Сами приучили, что ж на человека пенять?

Но с грамотами было покончено. Николай Цабунин облегченно вздохнул, отправил в соседнюю комнату шуструю двухлетнюю Анну Николаевну и присел к столу.

Нет, не зря Николаю Васильевичу Кукушкину полюбился этот парень. То, что проделал он за одиннадцать лет, по упорству, замашистости вполне под стать тому, что свершили сверстники Кукушкина четверть века назад. С матерью и младшим братишкой вернулся пятнадцатилетний Николай в Ленинград в год прорыва блокады. Отец не стал жить с семьей, мать пошла смазчицей, а Николай, оказавшийся старшим мужчиной в семье, отправился на Кировский завод учеником слесаря. Через три года о нем уже шумели как о лучшем бригадире молодых слесарей Ленинграда... Эта часть биографии Цабунина вполне совпадает с биографиями молодых ударников первой пятилетки.

Но вот и новое, особенное, то, чем, не в упрек им будь сказано, старики не могут похвалиться. Цабунин все одиннадцать лет учится. Одиннадцать лет! Без перерыва, без передышки... В юности он был очень невелик ростом, настолько невелик, что подставлял к верстаку ящик, чтобы дотянуться к тискам. И вот однажды к нему подошел старый путиловец, аккуратненько взял за ворот, ссадил с ящика и повел в вечерний техникум. Да, это было именно так. Незнакомый пожилой рабочий спровадил юношу к директору техникума на учение. Верно, Николай еще год тянул — дождался, пока встанет к верстаку брат, но следующей осенью напрочно засел за парту и не встает из-за нее до сих пор... Работая слесарем, он вечерами закончил техникум, стал технологом и в ту же осень поступил в институт. А сейчас, шесть лет спустя, в отпуску заканчивает последний курсовой проект.

— Что дальше?

— Диплом.

— Еще дальше?

— Аспирантура.

Нам вспомнилась одна строчка из отчета краснопутиловцев: «К началу пятилетки на заводе было больше тысячи неграмотных». И еще припомнилось: сейчас среди кировцев таких, как Цабунин — оканчивающих техникумы и институты,— восемьсот человек! Да полторы тысячи в средних школах. Так вот он, резерв, о котором говорил Кукушкин...

Позже мы смотрели чертежи — новое, уже не первое, изобретение Цабунина, и снова вспомнилось, как старый работник БРИЗа Петр Андреевич Святогор говорил о рационализаторах: «Вы не берите в расчет одни миллионы... Конечно, экономим мы впятеро больше, чем раньше. Но суть не в том. Уровень иной изобретательства. Раньше, считайте, вершки снимали, а сейчас к корешкам подошли. Врезались в глубины техники. А кому они по плечу, корешки? Малограмотным рабочим? Э, нет! Вот Цабуниным они по плечу...»

Цабунин хотя и недавно, но уже, собственно, перешел из разряда рабочих в разряд инженеров. А хотелось повидать рабочего из тех, кого назвал Николай Васильевич главным резервом. Посоветовали встретиться с лучшим кузнецом Ленинграда Николаем Смагиным. Лучший кузнец оказался худощавым юношей с заметным воронежским выговором. Он сирота, уроженец борисоглебской деревни, пошел в ФЗО и попал в Ленинград накануне этой пятилетки. В пятидесятом стал подручным кузнеца, и вот — лучший. Вместе с начальником цеха С. Э. Высоцким мы следили за его работой. Гибкий, ловкий Смагин быстрыми движениями поворачивал вертящийся раскаленный пруток под пляшущим молотом.

— Шустрый! — восхищенно кивнул Высоцкий, сам старый путиловский кузнец, и добавил, как нам показалось, с грустью и доброй завистью: — Десятилетку кончает! Я вот, грешник, коренной питерец и дальше семи не пошел, а этот только из деревни, и нате вам — десятилетку! Резерв? Погодите, он еще не одно слово скажет, он ведь только приноравливается...

...Мы выходили с завода вместе с дневной сменой. Пестрая, разноголосая толпа катилась по аллеям мимо памятника Сергею Мироновичу. Степенно, раскланиваясь во все стороны, прошагал дядя Миша. Блеснув сединой на висках, быстро прошел Литвинов. В стайке молодежи показалась кепка Смагина... И подумалось: если кировцы затеют отчет трудящимся всего мира о последней пятилетке, рапорт XX съезду Коммунистической партии Советского Союза, как это хорошо, что в том отчете и рапорте будут стоять те же фамилии — Кукушкин, Решетов, Каримов, Фомин... И как радостно, что рядом с ними встанут фамилии Петра Зайченко, Николая Цабунина, Николая Смагина! Не в этой ли непрерывной цепочке поколений главный резерв нашего завтра?

Этот 9-квартирный дом собран за 38 дней.

ДОМА ИЗ ПЕНОБЕТОНА

— А вот этот дом построен из пены,— шутит инженер строительного треста Лель Васильевич Курочкин, показывая на красивое трехэтажное здание. А затем поясняет уже совершенно серьезно: — Пена в конструкциях этого дома — немаловажный строительный материал.

Здание, о котором идет речь, собрано в молодом уральском городе Березники из крупных панелей ячеистого бетона. Ячеистый бетон не новость в строительной технике. Однако до недавнего времени его небольшие легкие плиты использовались лишь для устройства перекрытий промышленных зданий.

В Березниках по инициативе группы работников треста «Севуралтяжстрой» и Центрального научно-исследовательского института промышленных сооружений впервые в стране были изготовлены из особой разновидности ячеистого бетона — армопенобетона — конструктивные детали для строительства жилого дома. Дом не имел каркаса. Он монтировался из готовых внутренних и наружных армопенобетонных плит. Вначале монтажники устанавливали с помощью крана комнатные перегородки, а затем — готовые, уже архитектурно оформленные наружные стены. На строительство этого дома израсходовано материалов почти вдвое меньше по весу, чем на такой же кирпичный дом, а рабочих дней затрачено в четыре раза меньше.

Сборка всего здания продолжалась 38 дней. А через два месяца после начала строительства сюда въехали жильцы.

В пенобетонном доме невольно обращаешь внимание на отсутствие батарей парового отопления. Нет также и печей. Однако в квартирах тепло.

— У нас греют сами стены,— поясняют жильцы и предлагают прикоснуться к линкрустовым обоям. Стена действительно «излучает» тепло. Внутри вмонтированы специальные трубы-регистры, по которым течет горячая вода. Летом же в комнатах приятная прохлада. В пенобетоне бесчисленное множество воздушных пузырьков, а воздух, как известно, — плохой проводник тепла.

Небольшой опытный армопенобетонный цех, построенный в Березниках трестом «Севуралтяжстрой», разросся ныне до размеров промышленного предприятия.

Завод вступил в строй в апреле нынешнего года и уже выпустил многие тысячи кубометров прочного пенобетона для жилищного и промышленного строительства. Этот новый строительный материал образуется в результате смешивания цементно-песчаного раствора с искусственно приготовленной пеной. Он легок, исключительно прочен, нетеплопроводен и не боится морозов. Наиболее легкий пенобетон даже не тонет в воде.

Прораб Борис Иванович Пачевский, участвующий в строительстве второго опытного дома из армопенобетона, утверждает, что бескаркасные дома из крупных панелей ячеистого бетона можно строить еще быстрее, чем сейчас.

— Все дело в предварительной заготовке достаточного количества панелей и в увеличении их размера,— говорит он.

Еще недавно монтаж стены и перекрытия комнаты из трех — четырех панелей вполне устраивал строителей. А теперь они требуют панель размером сразу на комнату. Это во много раз увеличит скорость монтажа. Пятиэтажный дом можно будет монтировать за один месяц.

Не только жилые дома строят в Березниках из армопенобетона. Новое здание железнодорожного депо состоит целиком из крупнопанельных плит армопенобетона. Его собрала всего за шесть дней бригада из двух монтажников, одного сварщика и одного машиниста крана.

В конце года в Березниках начнется сооружение целого квартала многоэтажных домов из армопенобетонных конструкций. Здания с применением нового строительного материала будут возводиться и в других городах страны.

А. ГРИГОРЬЕВ

Строительство бескаркасного пятиэтажного жилого дома из армопенобетонных и бетонных плит в Березниках.

Фото Б. Визуля.

УТРО В СОРРЕНТО

Сатианарайан **СИНХА**,
индийский писатель, член Индийского парламента

Рисунок В. Высоцкого.

В Неаполе меня арестовали. Я только что приехал сюда на пароходе безбилетным пассажиром. Пароход пришел с Востока.

В то время я был еще молодым парнем, и это было первое мое путешествие в Европу. На мне были изорванные штаны и короткая куртка без пуговиц. Был я юнцом совершенно неотесанным, деревня моя находилась в самом заброшенном уголке Индии. Разумеется, даже по внешнему виду моему можно было угадать, что у меня нет паспорта — документа, без которого в цивилизованной Европе человека не ставят ни во что. Я не понимал языка людей, к которым я попал, не говоря уже об их обычаях и привычках.

Меня отвели в полицейский участок и принялись допрашивать. Я молчал, как камень: в словах полицейских мне чудилось что-то злобное и опасное. В конце концов они убедились, что от меня им мало проку и что я могу доставить им только лишние хлопоты. Меня отпустили и выставили за дверь.

У ограды порта я столкнулся с Кассимом, главным поваром нашего судна. На всем пути из Индии в Италию он тайком приносил мне еду в угольный трюм, где я прятался. Этот добрый человек помог и сейчас: он передал меня на попечение одного здешнего рыбака, с которым повар имел какие-то контрабандные дела. Рыбак велел мне помочь ему поднять парус. Ветер был попутный, и уже через час мы оказались в Сорренто. Там рыбак высадил меня на берег, пробормотал несколько слов, которых я не понял, и отплыл дальше.

Я был голоден, страшно голоден. Но я никогда в жизни не просил подаяния, к тому же я не знал итальянского языка. Долго бродил я без цели по улицам Сорренто. Навстречу мне попадались упитанные, розовощекие, смеющиеся люди—богачи, проводившие здесь лето. Минутами мне казалось, что я вот-вот вцеплюсь зубами в эти лоснящиеся щеки,— так я был голоден.

Я напился воды из уличного фонтана; вода показалась мне горькой, должно быть, тоже от голода. Никому из прохожих не пришло в голову предложить мне хотя бы кусок хлеба. Я с трудом двинулся дальше, но ноги не слушались, и я сел у обочины мостовой.

Прямо передо мной был великолепный фруктовый сад. Красные апельсины густо усеивали ветки деревьев. Я подумал, что можно сорвать апельсин и убежать. Я стал оглядываться вокруг, но мимо сада все время проходили люди. Невдалеке от ограды я заметил в саду человека, он окапывал дерево. Почему-то его лицо привлекло мое внимание, он показался мне человеком, который не обманет меня, так много простой человеческой приветливости было в этом лице.

Что за лицо! Суровое, даже жестковатое и в то же время согретое изнутри каким-то теплом. А эти острые, зоркие и в то же время ласковые глаза — такие глаза бывают у людей, привыкших врачевать раны. Через мгновение эти глаза смотрели на меня в упор из-за ограды.

— Я безбилетный пассажир,— пробормотал я, извиняясь.

— Вижу.

Я почувствовал, что от этого человека ничего не скроешь.

— Ты голоден? — продолжал он.

Я невольно посмотрел на апельсины.

— Что ж, как раз время ужинать. Пойдем.

Я последовал за ним.

Он усадил меня за уставленный едой стол. Я глотал, давился и все никак не мог заставить себя остановиться. Когда я наконец насытился, поднял на него глаза и спросил:

— Вы накормили меня. Как мне вас благодарить?

— Всякий человек имеет право быть сытым,— ответил он, слегка усмехнувшись.

— Да, но... я ведь не работал для вас...

— Куда тебе работать? Ты совсем отощал.

— Но теперь я опять здоров и могу...

— Можешь? Ну, что ж. Я тебе дам работу. Возьми вот, пей...

Он протянул мне стакан с вином.

— Я еще ни разу в жизни не пробовал вина,— сказал я растерянно.

— Это — каприйское вино. Хорошее.

Я сделал несколько глотков. Вино показалось мне божественным напитком.

— Пей еще. Вижу, оно тебе понравилось.

Вино согрело меня, и откуда-то из глубины сердца поднялось легкое веселье. Человек с суровым лицом помолчал немного, потом начал расспрашивать:

— Скажи мне, издалека ли ты.

Я назвал свою страну.

— Это великая страна,—сказал он.— Там много больших рек и высоких гор. Ты видал их?

— Да. Мы с отцом много ездили по стране.

— Тогда расскажи мне об Индии.

Я принялся рассказывать. Говорил я по-английски очень плохо, ломаным языком. Чтобы он понял меня, я размахивал руками и делал знаки, которыми пользуются в разговорах с глухонемыми. Но, видно, у этого человека была исключительная способность все понимать. По его внимательному и дружелюбному выражению я заметил, что мог разговаривать с ним на любом из языков мира: все равно он поймет.

— А тебе не приходилось ни разу написать о твоих путешествиях по Индии? — прервал он меня внезапно.

— Нет... никогда,— ответил я изумленно.

— А почему?

— Да я не умею писать. Только читаю немного.

— Нет, ты можешь писать,— сказал он спокойно.

— Я не пойму вас,— сказал я, окончательно растерявшись.— Вы думаете, что я могу стать писателем?

— А почему бы и нет?

— Но у меня нет денег. В нашей стране только богатые люди, ученые люди могут писать, у них для этого есть время, им не приходится думать о хлебе...

— Ты можешь лучше, чем богатые, учиться и писать. Простые рабочие люди — вот кто лучше всего могут писать.

Его слова поразили меня. Это было какое-то неожиданное открытие. Меня никто ничему не учил, никто даже не советовал учиться, а этот говорит, что я могу стать писателем. Мне захотелось, чтобы он еще раз повторил сказанное.

— Так вы думаете, что рабочий человек может стать писателем?

— Да, может. Такие писатели уже есть. Вот в России есть несколько. Ты ничего не слыхал о них?

— Очень мало, прошу прощенья.

— А ведь Россия,— улыбнулся мой хозяин,— очень близка от твоей страны. Рукой подать.

— Мне читали. Отец читал на моем родном языке хинди один перевод книги русского автора...

— Ну и как, понравилось?

— Очень. Это было замечательно! А вы тоже читали книги этих русских писателей?

— Читал,— улыбнулся мой собеседник.— Ведь русский — это мой родной язык.

— Значит, вы русский?

— Да,— рассмеялся он.— Это тебя удивляет?

— Почему же вы... без бороды?

— А разве все русские бородаты?

— И потом вы какой-то очень худой!..

— А по-твоему, все русские — толстяки? — спросил этот удивительный человек и тут же расхохотался.

— Я видел карикатуры в английских газетах, там все русские очень толстые и у всех большие черные бороды. Вы первый живой русский, которого я вижу в жизни. И вы какой-то другой, я себе не так представлял русских.

— Словом, я тебя разочаровал.— Он еще раз рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

Меня охватило какое-то незнакомое, радостное чувство. Ни от кого не видал я еще такой ласки. Даже от отца.

Мой хозяин заметил, что я клюю носом от усталости. И он отправил меня спать.

На следующее утро я проснулся бодрым, освеженным. Подойдя к окну, я посмотрел на синевшую вдали бухту. Как хорошо! Можно отправляться дальше в плавание.

В дверь постучалась итальянская девушка. Она вчера вечером прислуживала нам за столом.

— Горький зовет тебя к себе,— сказала она.— Иди скорее.

— Что ты говоришь? — переспросил я.

— Говорят тебе: Горький зовет. Он ждет тебя, понимаешь? — повторила она по-английски, коверкая слова так же, как и я.

— Горький?

Это имя показалось мне знакомым. Кажется, его называл мне отец, когда читал перевод из русской книги.

— Горький? — повторил я в растерянности.— А разве он здесь?

— Да ты в его доме,— рассмеялась девушка.— Вчера ужинал с ним. А наутро забыл, что ли? Давай скорее, говорю тебе: ждет!

Горький приветствовал меня той же спокойной, и мудрой, и ласковой улыбкой, как и вчера. Эта улыбка словно говорила: «Оставайся таким, как ты есть, в этом главное. Я уже хорошо тебя знаю, оставайся самим собой».

Он расспросил меня о том, что я собираюсь делать дальше. Посоветовал учиться, как это делал в юности он сам, учиться, чтобы стать потом писателем. Я все глядел на него недоверчиво. Но он так же спокойно и уверенно повторил:

— Рабочий человек может творить. Правду говоря, только рабочие люди и могут творить. Да, это так.

Его слова вселили в меня какую-то неизведанную силу. Я побежал к берегу и разыскал там моего рыбака. Он показал мне кучку кораллов; рыбак собирался распродать их глупым богатым дамам, которые приезжают в Неаполь на больших океанских пароходах. Я должен был помочь ему в торговле, за это он обещал мне дать часть заработка.

После двух часов беготни по гавани мы оба уже подсчитывали выручку. Рыбак сунул мне в руку две бумажные лиры. Я знал, что на эти деньги можно купить много апельсинов и этого мне хватит на ближайшее время. Кроме того, у меня был другой капитал — вера в свои силы, которую вселил в меня Горький. В тот же день я уехал на пароходе. Я твердо решил: в каком-нибудь городе Европы начать учиться, работать и учиться. Горький сказал мне: «Ты можешь!»

Я чувствовал, что действительно могу.

* * *

Прошло много лет. Мне довелось снова побывать в Сорренто. Ноги сами привели меня к дому Горького. На воротах я увидел доску с надписью: «Здесь жил и работал великий русский писатель Максим Горький».

Я вошел в сад и направился к тому дереву, возле которого впервые увидел Горького. Старый рыбак, носивший Горькому рыбу, подошел ко мне, и мы долго говорили с ним о тех днях, когда я впервые очутился в Сорренто.

— Я живал и на Капри, куда еще Ленин приезжал к Горькому в гости. Я не раз катал их на лодке. Я плохо знал русский язык, научился всего нескольким словам от Горького; но я слышал, что, сидя в лодке, они говорили о рабочем человеке, о том, как сделать его жизнь лучше...

Рыбак помолчал и снова заговорил, оживленно жестикулируя:

— Теперь в России все делается так, как говорил Ленин. И не только в России: в Китае тоже, и еще есть такие страны...

На небе сгущались тучи, чувствовалось, что идет гроза. Мне надо было торопиться назад: мой путь лежал в Советский Союз.

— Не бойся,— успокоил меня рыбак, уловив мой взгляд.— Буря на море — это не страшно! В бурю люди тоже должны делать свое дело!

Мне вспомнились слова Горького: «Рабочий человек умеет творить».

Я хорошо знал теперь силу творчества простых людей, строящих новый мир, достойный человека.

Писатели и книги

Рассказы и фельетоны Остапа Вишни

Вышел из печати сборник избранных рассказов и фельетонов Остапа Вишни—одного из самых популярных на Украине писателей. В нашей современной литературе найдется немного книг, в которых сосредоточено столько подлинно народного юмора, брызжущего здоровьем смеха, где острая сатира так тесно переплетается с взволнованной лирикой.

Именно настоящей, высокой лирикой отмечены рассказы Остапа Вишни о современных запорожцах, воздвигающих на украинской земле грандиозные плотины, мощные электростанции, заводы-гиганты («Запорожцы»), о колхозных героях, своим самоотверженным трудом добившихся счастливой жизни для всего народа («Дедушки наши да бабушки наши», «Ох, и Матрена ж Карповна!»).

Эти и другие рассказы Остапа Вишни о хороших советских людях проникнуты светлым юмором, в них видна улыбка автора, вместе со своими героями радующегося достигнутым успехам.

И наряду с этим в сборнике мы находим рассказы и фельетоны, направленные против отрицательных явлений, встречающихся в нашей действительности. Регулярно печатаясь в газетах и журналах, Остап Вишня своевременно откликается на злободневные темы, волнующие нашу общественность. Особенно пристально наблюдает он за жизнью и бытом украинской колхозной деревни, за всеми происходящими здесь изменениями.

К наиболее удачным рассказам и фельетонам этого цикла нужно отнести рассказ «Зоре моя вечірняя...». В нем автор остроумно и зло высмеял застарелую привычку районных и областных организаций посылать в колхозы десятки уполномоченных, которые в лучшем случае ничего не делают и, таким образом, не мешают работе, а в худшем— путаются в ногах у занятых людей и отрывают их от дела.

Остап Вишня изобразил колхоз, где такого рода посланцы вышестоящих организаций от нечего делать сформировали... хор уполномоченных! И в результате осенью на областной олимпиаде художественной самодеятельности «хор уполномоченных» из колхоза «Зоря» первую премию получил.

«Веселые чертики» прыгают в глазах нашего лукавого сатирика, когда он говорит о пользе механизации, благодаря которой в рассказе «Сорняк» бездельник, плут и пьяница, свалившись в ковш подвесной дороги, прямым сообщением попадает в стойло к грозному быку Сарданапалу, действующему самым отрезвляющим образом и на пропойцу и на его руководящих опекунов, вынужденных после этого скандального происшествия снять своего подопечного с работы; и тогда, когда речь идет о проекте «самоходной» кладовой, ограждающей колхозников от жуликов и хапуг, от всякого рода любителей поживиться за счет народного добра.

Удачны рассказы «В ночь под Новый год», «Думало», «Кочевники», «Упрямая Маня», «Лошади не виноваты», «Дылда».

В этих рассказах и фельетонах показано немало пороков и недостатков.

Однако автор не оставляет у нас чувства горечи, не повергает нас в уныние. Все эти рассказы и фельетоны пронизаны его веселым смехом. Глубоко веря в силы своего народа, способного преодолеть любые трудности, автор дает почувствовать наше превосходство над изображаемыми им пороками и недостатками, призывает нас к борьбе с ними.

В сборник включены рассказ «Зенитка», а также острые памфлеты «Великомученик Остап Вишня», «Ложью свет пройдешь, да назад не вернешься», направленные против украинских буржуазных националистов.

Полно и ярко талант Остапа Вишни проявился в охотничьих рассказах. Ироническое повествование о приключениях горе-охотников и горе-рыболовов в этих рассказах перемежается с восторженными описаниями природы, лирическими отступлениями, раздумьями.

Эти небольшие, чисто шуточные, на первый взгляд, охотничьи истории полны серьезного смысла. Они проникнуты глубокой любовью к Родине, к ее природе, к людям труда. Лукавый народный юмор и искрометный смех сочетаются в них с сердечностью и задушевностью.

Продолжая традиции русских классиков и успешно осваивая опыт советской сатиры, Остап Вишня достиг большого мастерства. Его художественные приемы многообразны. В своих рассказах и фельетонах он сумел раскрыть богатство украинского языка, украинского народного юмора.

Старый колхозный дед, пытаясь охарактеризовать устрашающий рев свирепого бугая, дает такое сравнение: «У нас когда-то дьякон вот так ревел. Как рявкнет, бывало, апостола, так юбки у молодиц, словно от ветра, хлопают».

Остап Вишня смело пользуется гиперболическими образами и сравнениями. Для усиления комического эффекта он довольно часто дает нарочитые фамилии: Дылда, Перекусисало,— пародийные названия учреждений: «Райграбли», «Райпуговица». В его произведениях много ярких характеристик, метких выражений, удачных словообразований.

Рассказы и фельетоны Остапа Вишни трудны для перевода. Переводчики положили немало труда, чтобы донести до русского читателя своеобразный язык и самобытный юмор автора.

Сергей ШВЕЦОВ

Остап Вишня. Избранное. Гослитиздат. Москва. 1955. 232 стр.

Репортаж из будущего

«Человечество не останется на земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Полвека назад были сказаны эти слова; извечная мечта человечества, выраженная К. Э. Циолковским, становится реальностью. Наука достигла такого уровня, когда стали возможны посылка ракеты на Луну и создание искусственного спутника Земли.

Перед нами книга Б. Ляпунова «Открытие мира», вышедшая в издательстве «Молодая гвардия»,— книга, в которой объединены сведения по астрономии, реактивной технике, физике, механике, геофизике, радиотехнике, связанные с проблемой космических перелетов.

Еще мальчиком Б. Ляпунов увлекся межпланетными путешествиями. До сих пор он помнит тот день, когда в ответ на его еще наивное письмо школьника почтальон принес пакет с обратным адресом: «Калуга, улица Жореса, 3. К. Э. Циолковский».

Прошли годы, и детская мечта стала делом жизни. Из-под пера Б. Ляпунова вышло немало книг. Почти все они связаны с проблемами космических полетов. «Открытие мира» как бы подводит итог этой работе.

Книгу эту нельзя отнести полностью к жанру научно-популярной литературы, так как наряду со строго научными рассуждениями и скрупулезно изложенными фактами в ней есть и то заражающее читателя чувство, которое мы считаем непременной принадлежностью научно-художественной литературы.

Но автору не всегда удается подняться над отдельными фактами и смелыми мазками нарисовать обобщенный образ. Поэзия науки заключается не только в фактах, но и в раскрытии того пути, которым идет человечество, в романтике завоевания Вселенной.

Борис Ляпунов молод, он настойчиво ищет, много работает, и нет сомнения, что он в совершенстве овладеет трудным, но столь любимым читателями жанром научно-художественной литературы. Об этом, бесспорно, свидетельствует раздел книги, посвященный будущему завоеванию планет. Своеобразно и смело сочетаются в нем страстные столкновения различных научных гипотез и описания фантастических пейзажей далеких, неведомых пока миров. В книге Б. Ляпунова нет ни вымышленных героев, ни развернутого сюжета. И, тем не менее, отдельные части «репортажа из будущего» настолько близко напоминают привычный для нас жанр очерка, что хочется назвать книгу «Открытие мира» научно-фантастическими очерками.

Кирилл АНДРЕЕВ

Б. Ляпунов. Открытие мира. «Молодая гвардия». 1954. 160 стр.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Рассказ

Казимеж БРАНДЫС

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

В этот день Решель ворвался в мою комнату, даже не постучавшись, и прямо с порога крикнул:

— Маэстро, дан приказ мчаться к лыжному трамплину на Крокви! Стасек Марусаж будет прыгать.

Решеля я вообще недолюбливал. А с той поры, когда в одном из ночных ресторанов мне довелось услышать, как администратор, обращаясь к пожилому лысому скрипачу, сказал: «Маэстро, если маэстро осмелится еще раз опоздать, я вышвырну маэстро ко всем чертям»,—не люблю, чтобы меня так величали.

Поэтому я пытался увильнуть от прогулки, но Решель решительно заявил, что в таком случае и он останется сидеть дома. В конце концов ему удалось вытянуть меня на свет божий. День был такой чудесный, каким он может быть только в горах на рубеже зимы и весны. Казалось, что теплое небо ложится прямо на снег, а горные вершины, словно их за ночь кто-то придвинул поближе к долине, были так недалеко, что в них при желании можно было запустить камнем. Они стояли острые, резко очерченные, видимые до малейшей расщелины в скале. Это была одна из тех почти мучительных секунд прекрасной весны света, которые наполняют душу человека безмерным изумлением и даже какой-то долей стыда при мысли о том, насколько он, человек, ничтожен по сравнению с красотами природы.

— Ну и денек!.. Как картинка! — сказал Решель и взял меня под руку.

На голове у него была вязаная шерстяная шапочка с козырьком для защиты от солнечных лучей, а на ногах поскрипывали новенькие ботинки.

Лыжный трамплин встретил нас потрескивающим говорком репродукторов, множеством ярких флажков и разноцветных свитеров. Где-то вверху, на белом горбе трамплина, копошились маленькие черные фигурки. Все это выглядело довольно красиво, но, пожалуй, нисколько меня не трогало. В свое время мне пришлось испытать кое-какие разочарования при прыжках в высоту, потом разразилась война, и я, сам не знаю, почему, перестал заниматься спортом.

Так уже заведено, что все, от чего человек отказывается в жизни и старается оттолкнуть от себя, не перестает его беспокоить. Мне приходилось встречать людей, которые в молодые годы покинули театральные подмостки, а потом до самой гробовой доски изводили этим свою семью. Чувства, которым человек изменил, требуют с него алиментов. Но со мною все было совсем по-другому, так как я создал теорию отсеченных ветвей. До определенного возраста, утверждал я, любой человек держит в своих руках несколько собственных судеб. Он может, например, стать воином или сибаритом, чудаком или часовщиком. Но наступает такой момент в жизни, когда случай или стечение обстоятельств толкают его на один из этих путей. И с данной минуты все в нем начинает вертеться в избранном направлении: он становится все более воином, все большим сибаритом или закоренелым часовщиком. Словом, он становится тем, чем сам пожелал стать, что в себе пробудил, кем назвался перед другими людьми. Человек выбирает свой пень, обрастает кроной, а прочие его возможности незаметно в нем сохнут, отмирают, и приходит такое время, когда их можно отсечь от живого организма без всякой боли. Поверьте, я действительно был убежден, что жизнь можно посвятить лишь одному делу, а все остальное во мне должно замолчать. И поэтому я отсек от себя ветвь спорта.

Мое появление у лыжного трамплина не произвело никакого впечатления. Меня просто не замечали. А вот Решеля, шут возьми, какая-то группа загорелых людей встретила дружными криками приветствий и радостными взмахами пестрых рукавиц. Это чудовище пользовалось здесь любовью. Признаюсь, я с огорчением наблюдал, как его обступили со всех сторон и начали дружески похлопывать по плечам. Это тем более было досадно, что в толпе оказались довольно симпатичные девушки. Роговые очки Решеля так и сверкали от удовольствия, и я слышал, как он восторгался: «Ах, какой снег, какой сказочно пушистый снег!» Сказочно пушистый! Да, именно так он и говорил. Потом Решель каким-то неповторимым величественным жестом запустил руку в карман, и я уже знал, что сейчас он скажет: «Хороша, друзья, моя трубочка, моя верная шотландочка!»

— Хороша, друзья, моя трубочка, моя верная шотландочка! — сказал Решель.

Я хотел было сплюнуть, но как раз в эту минуту из репродуктора вырвался взволнованный голос:

— Внимание, внимание!.. Сейчас будет прыгать Гонсеница Даниэль.

«Гонсеница так Гонсеница,— подумал я и покачал головой.— Ну и что из того?»

В конце концов, если кто-нибудь с детства не слезает с лыж — двух досок с загнутыми кверху носами,— он обязан прыгнуть известное количество метров.

На стартовой площадке, между нависшими елями, мелькнула маленькая фигурка лыжника, и в ту же секунду возле нашей трибуны, словно из-под земли, появились три мальчугана с огромным старым биноклем. Каждому из этих болельщиков было лет по восемь.

— Ендрусь прыгает, Ендрусь! — завопил Решель.

Этот крокодил произносил уменьшительно имена всех знаменитых людей, и я мог бы поклясться, что однажды за обеденным столом он сказал: «Марыся Конопницкая». Правда, Решель тут же прикусил язык, испугавшись моего взгляда.

После Гонсеницы какой-то лыжник в черном свитере пролетел по воздуху свои семьдесят с чем-то метров, но, может быть, потому, что, приземляясь, он ткнулся в снег рукой, или потому, что у него были кривые ноги, ему засчитали не все. Мне было даже немного его жаль, когда он, отъехав в сторонку, стряхивал с себя снег.

Люди напряженно чего-то ждали, притопывая на досках трибун. Мальчишки тузили друг друга за право обладания биноклем, а Решель демонстрировал стильное положение рук во время прыжка. Я совсем было хотел отправиться домой, как вдруг по трибунам прокатился возглас:

— Красная шапочка... красная шапочка! — И мгновенно воцарилась тишина.

По крутому и узкому подходу, извивавшемуся по правой стороне трамплина, к его белому горбу поднимался новый спортсмен. Он был уже довольно высоко и то исчезал среди темного ельника, то снова показывался на белом фоне снега, но уже ближе к вершине, и тогда мне действительно казалось, что я различаю его шапочку чемпиона, шапочку цвета полевых маков. Шапочка упрямо приближалась к старту.

Мальчуганы с биноклем оцепенели, словно три полководца, чьи войска вот-вот ринутся сверху в атаку, и даже Решель на миг замолчал, приложив к очкам свою норвежскую рукавицу. Теплый, ласковый ветерок повеял с вершин, и у меня на секунду перехватило дыхание. Я снова услышал возбужденный и радостный гомон трибун: на снежной площадке, на самом краю неба, уже стоял человек на лыжах.

Теперь я не замечал ни Решеля, ни его разноцветных девиц. Человек на лыжах перед прыжком становится единственным существом, достойным людского взгляда. Никто не обладает здесь властью, равной власти того, кто сейчас оторвется от земли. Весь он становится каким-то таинственным и далеким, а его едва различимые движения приобретают непонятный для зрителей смысл; они нужны ему для чего-то, но здесь, внизу, никто не делает подобных движений. Они нужны ему для... Впрочем, ему-то лучше известно, что требуется для того, чтобы вдруг превратиться в птицу. Вот он дрогнул и вскинул руки, как бы сбрасывая с плеч тяжесть тела. На мгновение он стал похожим на насекомое, поднявшее вверх усики-антенны... Внимание. Нет, еще секунда, он склонился к лыжам... Сейчас... Нет, нет... Да, ну, конечно же, да! Прыгнул!

Он прыгнул в этот раз на расстояние в 89 метров, побив рекорд, который сам некогда установил. Пролетел высоко над вершинами деревьев и на какую-то долю секунды повис на распростертых руках, словно держался ими за небосвод. А потом мальчишки с биноклем помчались отстегивать ему лыжи. Он стоял, опершись на плечи двух молодых спортсменов, немного побледневший, ошеломленный полетом. Какие-то люди перескакивали через барьеры трибун, со всех сторон доносились крики приветствий.

Белая наклонная лыжня запестрела. Люди в разноцветных свитерах осматривали след приземления Марусажа. Когда диктор объявлял по радио результат прыжка, голос его дрожал от волнения.

Приближался полдень, и горы сверкали таким ослепительным блеском, что на них невозможно было смотреть. Следующим должен был прыгать Вечорек, спортсмен из Силезии, который был моложе Марусажа почти на двадцать лет. На трибунах стоял веселый гомон, всюду мелькали яркие платки и смеющиеся золотисто-кофейные лица. Я вступил в беседу с кем-то, кто пытался мне объяснить, что это был последний прыжок в жизни Марусажа. Говорят, он сам вчера заявил, что хочет еще разок почувствовать «тело» Крокви под лыжами, а потом посвятить себя воспитанию молодежи.

— Вы знаете, сколько раз он тут прыгал? — сказал мой собеседник.— Сколько раз укрощал он это белое тело горы?

Я приложил руку к глазам, чтобы окинуть взглядом трамплин. И действительно, гора показалась мне похожей на огромного белого медведя с могучим туловищем и головой, спрятанной среди елей, медведя, который подставляет свои плечи для прыжка лыжника.

— Внимание, внимание! — отозвался репродуктор.— Прыгает Антони Вечорек.

Мускулистый, загорелый юноша в синем свитере с белыми оленями на груди восхитил трибуны чудесным, длинным прыжком. 90 метров. Новый рекорд. Этого не мог никто ожидать. На наших глазах флажок, которым было отмечено место предыдущего приземления, перенесли на метр дальше. Мы были ошеломлены. Дважды на протяжении одной четверти часа у Крокви отвоевывали новые полоски снега, которые она не позволяла отнять у себя на протяжении долгих лет.

Собственно, все уже было кончено. Многие зрители покидали трибуны, так как приближался обеденный час. Но в репродукторе послышались приглушенные голоса, диктор с кем-то в сторонке разговаривал, можно было различить лишь отдельные слова: «Что?.. Нет, в самом деле?.. Сейчас, сейчас...» И вдруг голос приблизился, окреп, наполнился радостью:

— Да, да!.. Марусаж!.. Марусаж стартует вторично на побитие рекорда!

Люди кинулись обратно к трибунам, и снова над ними пронесся протяжный гул: красную шапочку было уже видно на середине подъема.

В спорте есть замечательное правило: побежденного не привлекают к ответу. Победы и поражения выражаются здесь в цифрах; завоеванные сантиметры и секунды считаются тут достойной наградой. Эта справедливость оценок, точная и неопровержимая, всегда привлекала толпы на стадионы и треки. Я видел головокружительные победы и блестящие поражения. В чем же тут еще сомневаться? Мгновения, когда мяч увязает в сетке ворот, когда грудь бегуна разрывает ленточку финиша,— это секунды неоспоримой правды, это неотвратимые факты, вызывающие восторг или отчаяние, но никогда не вызывающие чувства ненависти. Кого же тут обвинять? Где найдется такая же объективность в оценке триумфов и неудач? Нет, в спорте нет виновных. Борьба тут идет за слияние сил физических и духовных, за крепость мускулов и воли, за умение сократить секунды или попасть в самую точку. А для этого работу сердца и легких надо подчинить движению, более быстрому, чем мысль, и движением покорить время и пространство... В этой справедливой борьбе и заключается все достоинство ослепительно человечного искусства спорта.

Марусаж вступил в единоборство с трамплином Крокви. Противников у него теперь не было, он стартовал один. Когда лыжник появился на горе, мы уже знали, что он хочет победить сейчас лишь самого себя. Мы понимали, что он напрягает перед этим прыжком все свои силы, мобилизует весь свой спортивный опыт, за которым стоят годы упорных тренировок, и все это для того, чтобы овладеть узенькой полоской снега, которая до сих пор не желала ему покориться. Перед ним не было ничего, кроме свежего следа предыдущего прыгуна и белого края трамплина. Воздух в этот день был легким и не мешал полету. Марусаж снова вскинул руки.

Прыжок его был неудачным. Когда лыжник коснулся снега, трибуны исторгли из себя глухой вздох. Прежде чем у Марусажа отстегнули лыжи, он, приложив к глазам руку, долго смотрел на место приземления, где помощники судей отмечали флажком его след. В памяти моей запечатлелась картина, как он стоял на снегу, повернув голову в направлении своего полета, и, наверно, подсчитывал силы для нового прыжка, могучий и стройный, возвышавшийся над людьми, которые склонились к его лыжам.

Никто теперь не собирался уходить. Мы поняли, что он будет продолжать борьбу. Какие-то отдыхающие из санатория в Крупувках, привлеченные сюда вестью о старте Марусажа, бочком пробирались на трибуны и спрашивали шепотом, почему царит такая тишина. А рядом со мной остановилась группа гуралей, чьи санки ожидали неподалеку от трамплина. Наши мальчуганы молча обозревали вершину Крокви, передавая бинокль из рук в руки.

Он там!.. Там!.. Фигурка лыжника появилась очень высоко, на самой вершине горы. Кто-то заявил, что там никого нет, что это ошибка... Но вооруженные биноклем мальчишки закричали, что Марусаж там, и начали тыкать вверх пальцами. Нет, вовсе не легко было заметить простым глазом эту темную, почти неподвижную точку на стыке снегов и неба. Снова воцарилась тишина, и слышно было лишь далекое позвякивание бубенчиков гуральских санок. Вот темная точка пошевелилась. Опять замерла. Лыжник не торопится и словно о чем-то раздумывает. Никто из людей, собравшихся внизу, не видит его глаз и лица. Но он чувствует наши взгляды. Он знает, что мы видим только его. Сердца наши громко стучат, но он стоит неподвижно, потому что его сердце должно быть совершенно спокойным.

Человек перед прыжком одинок. Никто не может ему помочь, так как пропасть, которая отделяет его от зрителей,— это не только разница высот. Между ним и нами протянулась зона молчания, которая отделяет того, кто должен принять решение, от тех, кто за ним наблюдает. А ведь он своим прыжком совершит что-то и за нас. Это мы оторвемся вместе с ним от вершины в напряжении всей его воли.

Это была какая-то доля секунды: он мгновенно направил лыжи и ринулся вниз, вперед. Потом мы заметили его голову, склоненную к нам прямо с неба. Лыжник какой-то миг стоял в воздухе и смотрел на нас.

Победа! Люди начали кричать, что он пролетел над следом Вечорека. Все вскочили со своих мест. Где-то подняли на руки смеющуюся девушку, которая размахивала лиловым платком над головами соседей. Мы просто обезумели или опьянели; мальчишки подкидывали вверх свой бинокль, меня кто-то целовал, кажется, Решель.

И вдруг все кончилось. Репродуктор затрещал, и диктор объявил результат: 89 метров. Марусаж повторил свой первый прыжок. Мы не хотели верить своим ушам. Мальчишки орали, что это ошибка, раздалось несколько свистков. Но лыжники на месте приземления показывали палками свежий след.

Было ясно, что Марусаж в этот день не станет уже прыгать. Он просто не мог. Ведь мы же видели, что его оставили силы, что после приземления он присел на снегу, а потом, когда с него снимали лыжи, тяжко, очень тяжко дышал. Глаза у него помутились от напряжения. В этот последний прыжок он вложил всё и теперь должен был покориться. Даже мы, стоявшие на трибунах, совершенно обессилели и потеряли всякую надежду.

И если мы все еще продолжали стоять, то лишь для того, чтобы услышать по радио объявление о закрытии состязаний. Удивительно, но никому из нас не хотелось уходить. Иногда бывает трудно покинуть место собственных разочарований. Мальчишки тоже стояли, прислонившись к деревянному столбу трибуны. Бинокль был у самого маленького из них — в шапочке с красным помпоном.

— Он еще будет прыгать,— с какой-то грустью сказал мальчуган.

Двое других даже не удостоили его ответом.

Малыш поднял бинокль, приложил его к глазам и начал всматриваться в вершину Крокви. На месте приземления осталось лишь несколько фигурок лыжников. Остальные наискосок съезжали к трибунам.

— Он еще будет прыгать, вот увидите! — повторил малыш с отчаянием.

— Не дури,— сказал ему старший из мальчишек и надвинул шапочку на глаза.

Третий рассмеялся:

— Сам прыгай!.. Четыре раза подряд!.. Ты что, маленький?

Они отобрали у него бинокль. Малыш был разгорячен. Он сел возле столба и схватил в рот горсть снега.

— Марусаж будет прыгать,— шепнул мальчуган.— Он будет еще прыгать...

Малыш снял свою шапочку и начал рассматривать почти оторванный помпон.

— Внимание! — гаркнул вдруг репродуктор.— Марусаж сделает еще одну попытку!.. Внимание!

Лыжники снова направились к трамплину.

Четвертый прыжок Марусажа записан в истории Крокви. Это было одно из тех достижений, которые специалисты потом вспоминают в течение многих лет. Подобные прыжки случаются раз в четверть века. Меня в этом все уверяли. Марусаж родился еще перед первой мировой войной. Недавно норвежский мастер лыжного спорта Биргер Рууд в одном из интервью для иностранной прессы сказал, что Станислав Марусаж является феноменом в борьбе с временем: ему сорок с лишним лет, двадцать с лишним лет он прыгает и до сих пор занимает одно из ведущих мест среди лыжников мирового класса. Биргер Рууд заявил, что другого подобного примера он не знает.

Но тогда своим четвертым прыжком Марусаж превзошел даже то, о чем говорил Биргер Рууд. Он совершил нечто такое, что перечеркивает рамки профессиональных определений, и взлетел высоко над снежной равниной своей спортивной специальности. На грани усталости, после двух неудачных попыток и двух разочарований, он еще раз решил предстать перед взглядом трибун, которые уже разуверились в том, что он может победить. В этот раз он принял на себя все, даже наше неверие. Это был отчаянный, необъяснимый прыжок.

Когда Марусаж появился на вершине Крокви, под навесом елей, репродуктор заиграл ему «Збуйницкий танец», родной и близкий каждому гуралю. Пронзительные, звонкие звуки гуральского оркестра, должно быть, до него долетали, так как Марусаж вдруг замер и, кажется, отказался от мысли о прыжке. Но музыка оборвалась, и он исчез... исчез у меня из глаз.

Вероятно, меня ослепило солнце. Я увидел Марусажа лишь во время падения. Большая, черная тяжесть упала навзничь и покатилась со склона горы, окруженная дымкой снега. Я видел раскинутые руки лыжника. Он лежал у подножия трамплина и не вставал. Какая-то женщина вскрикнула.

Я видел, как его поднимали. Он шатался на подгибающихся ногах, а безжизненную, вывихнутую руку перевесил через чье-то плечо. Говорил, с трудом хватая ртом воздух. Его вели к трибунам, а позади бежали мальчишки с биноклем. Самый маленький из них с мокрым от слез лицом нес его красную шапочку.

И вдруг по трибунам прокатился гул: люди показывали друг другу на флажок, передвинутый вперед, на новое место,— 91,5 метра. Девяносто один с половиной метра!

Я завидовал ему. Завидовал, несмотря на то, что он упал и рекорд его официально не мог быть признан. Но что может быть прекраснее этого в человеческой жизни? Взлететь над головами людей в чудесном полете, выслушав перед тем свою песню. А потом хотя бы упасть. Никто не посмеет осудить за такое падение.

Перевел с польского
Валериан АРЦИМОВИЧ.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕН-ГОТАРД

Николай **ДРАЧИНСКИЙ**,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

— Нет, нет и нет!

Мосье Ратильон выставил руки ладонями вперед и застрочил, как пулемет:

— Вы не знаете, что такое Готардская железная дорога, особенно на южном участке! Вы проезжаете на небольшом расстоянии тридцать два моста и десять виадуков — это великолепно! Но почти половину пути поезд идет в туннелях. Что вы увидите под землей?.. Есть там еще узкоколейка, она больше проходит на поверхности, но это самая дорогая в мире железная дорога. Нет, нет и нет! Мы едем в автомобиле! Где его взять? Получим напрокат в любом туристском гараже. Не возражайте мне! Мы едем в автомобиле!

Ладони мосье Ратильона, энергично рассекавшие воздух, опустились, и мы отправились в гараж. Мы быстро отвергли роскошные, стремительных форм новейшие лимузины, а остановились на малолитражном «Рено». Садясь за руль и пробуя тормоза, мосье Ратильон мрачновато шутил:

— Если с нами произойдет карамболь (так здесь называется столкновение машин), то мы по крайней мере сможем откупиться и хозяин не упрячет нас в долговую тюрьму!

Мой спутник Жан Ратильон, преподаватель женевского технического училища, веселый, кругленький человек, видимо, имеет приверженность к сочным бифштексам и итальянскому «Кьянти». Это не мешает ему быть исключительно подвижным и обладать поистине динамитным (или, как сказали бы на Западе, «атомным») темпераментом. Он участник движения сторонников мира, и мы познакомились с ним еще в Хельсинки на Всемирной ассамблее.

Хозяин гаража, у которого мы взяли в аренду машину, показал нам письмо, только что полученное от сына Андре из Марокко. Французский подданный, Андре жил в Лионе. Недавно его призвали из запаса в армию и отправили в Африку. «Здесь настоящий кошмар! Неужели это — повторение грязной войны во Вьетнаме?» — писал Андре.

— Да, да! Это кошмар! — воскликнул мосье Ратильон, потрясая свежим выпуском парижской «Монд».— Посмотрите, что́ здесь написано. Представитель французского командования сообщил вчера, что было только... два случая, когда при уничтожении мятежных деревень оттуда не были предварительно уведены женщины и дети. Как вам это нравится? Только два случая! Не говорите мне ничего, это кошмар!

Наш зеленый «Рено» уже катил по нарядным улицам Женевы, а мосье Ратильон все еще возмущался. Возможно, перед ним представали разбомбленные марокканские деревни. И это так не вязалось с мирной благодатью, которая нас окружала! Разноликая, многоязычная толпа текла по набережной красивого озера, вправленного в широкую раму синих гор. Город, щедро облитый золотом солнца, говорил о благе мира и покоя. Именем этого города наречен сейчас дух дружбы и сотрудничества народов.

У советских людей Женева пробуждает дорогие воспоминания. Здесь жил и работал Ленин. Уезжая в Россию после февральской революции, Владимир Ильич обратился с письмом к швейцарским рабочим, в котором глубоко благодарил их за товарищеское отношение к эмигрантам.

Вот мы проехали мимо кафе «Ландольт», в котором бывал Владимир Ильич, и помчались дальше вдоль берегов Женевского озера, имеющего в Швейцарии второе имя — Леман. Мосье Ратильон выжимает из нашей зеленой колесницы максимум резвости, ее стальное сердце стучит с надрывом, и стрелка спидометра пляшет у цифры «100».

— Особой достопримечательностью Лозанны,— сказал мосье Ратильон, когда мы въезжали в этот город,— является крупнейшая свалка политического мусора. Здесь вы можете получить полный комплект всяких безработных властелинов. Выброшенные народами стран Восточной Европы, все они почему-то скопились в красивой Лозанне. В здешних кафе и на пляжах они еще составляют какие-то заговоры, прожекты, копошатся и грызутся между собой. Пора бы им уже переквалифицироваться на шоферов такси! Хотите, я покажу вам бывшего румынского короля? — весело подмигнул мой спутник, кивнув в сторону пляжа.— Гиды охотно показывают его туристам, особенно дамам. Я слышал, одна американка говорила: «Как могли эти варвары коммунисты обидеть такого красивого мужчину!»

Не останавливаясь в Лозанне, мы двинулись дальше. Вскоре дорога запетляла в долине меж двух высоких горных хребтов, вдоль берега бурной Роны. Мы поднимались все выше и выше. Промелькнул город Сион, славящийся фруктами и овощами. В Швейцарии существует хороший обычай, обязывающий каждого члена сельской общины вырастить не менее двух фруктовых деревьев. Поэтому персики, груши, яблоки, абрикосы растут вдоль дорог и пашен на лугах, по берегам рек.

— Вот и Симплон! — сказал мой спутник.

Я увидел, как прямо из недр горы выскочил электрический поезд, похожий на большую железную сороконожку, и помчался по берегу реки. Два серых бетонных окна у подножия горы были началом знаменитого Симплонского туннеля. Он прорезает насквозь громаду хребта и заканчивается без малого через двадцать километров в другой стороне — Италии. Вспомнился великолепный рассказ-поэма Алексея Максимовича Горького о строителях этого туннеля...

Когда мы остановились у бензиновой колонки вездесущего нефтяного концерна «Шелл», там стояло еще пять машин: из Ливерпуля, Гамбурга, Лиссабона и две из Стокгольма. Мягкий, курортный климат, неповторимое сочетание воды, гор, неба, буйной зелени и вечных снегов — все это привлекает в Швейцарию множество туристов со всего света. В Германии мне показывали «Саксонскую Швейцарию», в Финляндии я был в «Финской Швейцарии», а на Памире мой приятель-альпинист, указывая на чудесный каскад голубых озер, в которых отражались снежные вершины, говорил: «Смотри, настоящая Швейцария!» Впрочем, мест такой неописуемой красоты, как на Памире, я в Швейцарии не встретил.

Прелести пейзажа являются своеобразной и весьма важной статьей швейцарского бюджета. В отдельные годы доходы от иностранного туризма достигают трети всех поступлений иностранной валюты. Здесь имеется особая отрасль промышленности, именуемая «отельный промысел». Вложенные сюда капиталы составляют огромные суммы и превышают, например, капиталовложения в транспорт. Эта отрасль национальной экономики тщательно организована и, насколько возможно, механизирована. Если вы желаете побывать на скалистых склонах Юнгфрау и Маттергорна, вам не требуется тратить мускульную энергию, а только деньги. Туристские агентства разработают вам маршрут, комфортабельные машины доставят в любой уголок страны, вагончики воздушно-канатной дороги поднимут в заоблачное поднебесье, а продавцы снабдят сувенирами.

...Поздно вечером мы остановились на ночлег в альпийской деревеньке. Здесь была церковь, три гостиницы и пять домов.

Хозяйка отеля проводила нас в крошечные, как купе, но очень чистые комнаты. Словоохотливый мосье Ратильон расспрашивал ее, как идут дела.

— Майн герр,— посетовала фрау (здесь была уже область немецкого языка),— что-то меньше стало к нам приезжать туристов! Раньше мой отель был всегда полон. А сегодня только четыре занятые комнаты из двадцати...

Предприятия «отельного промысла» уже ряд лет переживают депрессию. Послевоенная разруха в Европе, гонка вооружений и связанное с ней тяжелое бремя налогов привели к сокращению массового туризма в Швейцарию.

Переночевав, мы еще затемно двинулись дальше и утренний кофе пили уже на перевале Фурка, у ледовых нагромождений глетчера Рона.

Солнце только всходило, в белесом небе сгорали тонкие перистые облака. Розоватые вершины гор лишь подчеркивали синюю глубину долины под нами, на дне которой, как детские кубики, были разбросаны домики поселка. Туристы смотрели на них в подзорную трубу. Рожденная ледником, Рона полоской ртути вилась по ущелью, исчезая в скалах.

Перевал охотно посещается туристами. Здесь, на высоте 2 500 метров, построены многоэтажная гостиница, станция обслуживания автомобилей, гараж, ресторан. Вход на ледник оказался платным: как видно, герой известного романа Ильфа и Петрова, продававший билеты за осмотр «Провала» в Пятигорске, не был оригинален.

К нам подошла пожилая сухощавая дама в узких черных штанах и в приторно желтой кофте.

— Простите, мне гарсон сказал, что вы русский. Это так интерес-

Долина Роны — одни из сельскохозяйственных районов Швейцарии.

Сейчас через Сен-Готардский перевал проложена автомобильная дорога, связывающая Швейцарию с Италией. На некогда неприступном перевале — гостиницы, кафе, гаражи.

Чертов мост.

По этому ущелью продвигались суворовские чудо-богатыри.

Город Андерматт. В этом доме жил А. В. Суворов в 1799 году.

Мемориальная доска на стене дома, где жил Суворов.

В таверне у Чертова моста хранится коллекция оружия суворовского времени. Хозяйка таверны Р. Лоретан показывает оружие посетителям.

но! Я не могу уехать, не поговорив с вами. Скажите, с вами разрешается разговаривать?

— Сколько угодно, мадам.

Дама оказалась женой какого-то негоцианта из Базеля. Она задавала следующие вопросы: «Разрешается ли у вас женщинам красить губы? Зачем вы хотите захватить Европу?» — и т. д. Она никак не хотела поверить, что у нас в стране производятся автомашины.

— Этого не может быть!

Мне вспомнились переполненные посетителями залы советской выставки по мирному использованию атомной энергии, состоявшейся в Женеве летом этого года. Черно-желтая дама на этом фоне показалась свалившейся с луны.

— Типичная жертва «холодной войны»! — сказал мосье Ратильон, включая скорость.

Близ вокзала мы останавливались в маленьком кафе: железные столики под густыми платанами. Хозяин — в прошлом моряк. У Швейцарии нет морей, но есть пароходы. Кафе он получил в наследство от дядюшки. Бывший моряк рассказывал о первом своем рейсе на швейцарском пароходе в Советский Союз. Каких только страхов ему не наговорили перед отплытием, и какой ложью все это оказалось! Он с восторгом вспоминает дружеские вечера в Батуми, в клубе моряков. Потом он рассказал о том, как во время войны прятал советских солдат, бежавших из гитлеровского плена через Швейцарию к французским партизанам.

...Наша машина обогнула скалу, и с высоты перевала открылась величественная Готардская долина. Готардский горный массив находится в самом сердце Альп, где рождаются реки, принадлежащие к бассейнам четырех морей. Рона впадает в Средиземное море, Рейн — в Северное, Тичино, соединяясь с рекой По,— в Адриатическое, а Инн, сливаясь с Дунаем, несет свои воды к нашим черноморским берегам.

Быстрые и бурные швейцарские реки — мощный источник гидроэнергии. Во время всей нашей поездки почти не исчезали из поля зрения мачты высоковольтных линий. Швейцария по уровню электрификации превосходит многие европейские страны. И лишь полпроцента электроэнергии производится на тепловых станциях.

Мы повстречали громоздкий почтовый автобус. Желтая машина, тяжело рыча, мчалась по левой стороне, пугая встречные автомобили. На опасных горных дорогах почтовые автобусы пользуются привилегией держаться ближе к склону горы, а не к обрыву. Такое преимущество было предоставлено после тяжелой катастрофы, когда почтовая машина свалилась в пропасть и погибло много людей. Только внизу — в самой глубине долины — стоял придорожный знак, означавший «конец привилегии почтового автобуса».

Было воскресенье, и на дороге нам часто встречались люди с ружьями за плечами. Они шли пешком, ехали на велосипедах или мотоциклах. Поначалу я думал, что это охотники, но мой спутник рассеял это заблуждение. Древние леса давно вырублены, зверей можно отыскать лишь в заповеднике. Но у потомков Вильгельма Телля до сих пор осталось любимое развлечение — состязание в стрельбе.

— Охота этим парням не по карману,— добавил мосье Ратильон.— У нас есть охотники и даже охотничьи клубы. Что они промышляют? Каждый год из-за границы, обычно из Венгрии, привозят в клетках несколько тысяч зайцев и выпускают в горы. Чтобы вам разрешили убить одного такого зверька, нужно внести изрядную сумму...

Мы подъезжали к Андерматту, близ которого находится легендарный Чертов мост, навсегда связанный в нашей памяти с беспримерным альпийским походом Суворова. Прежде чем отправиться туда, мы свернули вправо и стали медленно взбираться на Сен-Готардский перевал, чтобы затем спуститься к Андерматту по следам суворовских чудо-богатырей.

В зеленых оврагах между скал паслись коровы, оглашая окрестность перезвоном колокольчиков: здесь часты туманы, и по звуку колокольчика пастух ищет заблудившуюся скотину. Едва мы остановились, чтоб сделать снимок, к нам подскочили два подростка, предлагая купить альпийские цветы. Я попросил мосье Ратильона узнать, откуда эти дети и что они здесь делают.

— Они говорят, пусть синьор сначала купит цветы, а потом задает вопросы.

В обмен на франк я получил букетик эдельвейсов и сообщение, что неподалеку отсюда ферма, а дети присматривают за коровами.

Тяжелые чугунные тучи, скрывая вершины гор, висели почти над головой. Дорога словно уперлась в близкое облако. Мгла заволокла все вокруг, и мы с трудом различали придорожные столбы. Совсем неожиданно брызнуло солнце, и мы увидели Сен-Готард: острые зубы скал вгрызались в небо и рвали в клочья мятущиеся облака.

Фронтальным штурмом этой неприступной естественной позиции начался легендарный поход Суворова через Альпы.

Глядя на угрюмые скалы, представляешь себе картину давно минувшего сражения. Под градом неприятельских пуль по кручам карабкались с ружьями рязанские и орловские мужики. А сухонький семидесятилетний старик, сидя в казацком седле, подбадривал: «Русак не трусак». Вон по тем снеговым вершинам прошли отряды Багратиона и обрушились на неприятеля с тыла.

Сейчас на Сен-Готарде, у небольшого круглого озерка, выстроены, как и повсюду, отели, рестораны, гаражи. Здесь проходит автомобильная дорога, связывающая Швейцарию с Италией. Где-то глубоко под нами, в недрах горы, мчатся электрические поезда по Сен-Готардскому туннелю.

На Женевском озере.

Пока мосье Ратильон приводил в порядок машину, я любовался южными склонами перевала. И вдруг мне показалось, что это галлюцинация. Среди чужих гор звонкий голосок распевал:

> Приходите свататься,
> Я не стану прятаться.
> Я невеста неплоха,-
> Поджидаю жениха.

Вскоре я увидел группу мужчин и женщин, закусывающих на траве. Рядом стояла автомашина и заливался патефон. Поздоровавшись по-русски, я в ответ услышал по-итальянски: «Буон джорно, синьор!» Оказалось, это путешественники из Рима. Смуглый черноволосый мужчина, тыкая пальцем в пластинку Апрелевского завода и ослепительно улыбаясь, твердил:

— Бене, бене, бениссимо! — что означало «хорошо, превосходно».

На прощанье, налив вина из пузатой оплетенной бутылки, он певуче провозгласил, чокаясь, по-русски: «Мир!» Все остальные хором присоединились к нему: «Паче! Паче!»

Мы двинулись вниз. На узенькой улочке Андерматта стоит дом № 253. Его фасад украшает памятная доска с надписью на немецком языке: «Квартира генералиссимуса Суворова 25 сентября 1799 г.».

И вот мы на знаменитом мосту. Две гранитные стены поднимаются до самого неба. Глубоко под мостом, в теснине ущелья, клокочет бешеная Рейса. Трудно вообразить себе позицию, столь фантастически непреодолимую даже для современных войск. В память о тех днях, о воинах, сложивших здесь, на чужой земле, свои головы, в камне отвесной скалы высечен большой крест — памятник.

Мокрые серые облака, плотно набившиеся в узкое ущелье, клубились, как в ловушке, и, не найдя выхода, заплакали мелким, холодным дождем. Мы спешим к небольшому ресторану, одиноко стоящему среди круч у самого въезда на мост. Тут мы неожиданно для себя оказались в своеобразном суворовском музее. На стенах висели гравюры и олеографии, изображавшие военные сцены тех времен, несколько портретов прославленного полководца. Среди картин я увидел несколько цветных репродукций, вырезанных из журнала «Огонек» и аккуратно вправленных в рамочки со стеклом: портрет генералиссимуса работы художника Щербакова, фрагмент диорамы «Альпийский поход Суворова» работы военных художников студии имени Грекова, репродукции с известного полотна В. И. Сурикова.

Посетителей было немного. Девушка в наколке разносила кофе и маленькие бутылочки пива. Хозяйка заведения показала нам в соседней комнате развешанную на стенах большую коллекцию русского и французского оружия. Эти ружья, сабли и пики подобраны на поле боя 156 лет назад. Таверну, рассказывала хозяйка, построил ее отец, Иозеф Яух, в 1890 году. Он же стал собирать различные реликвии и гравюры, связанные со сражением у Чертова моста. Вон тот портрет Суворова, например, прислал ему еще до первой мировой войны русский посол в Вене.

Одна из старинных французских гравюр, висевших на стене, изображала Чертов мост, каким он был полтораста лет назад. Своими формами он несколько отличался от нынешнего, реконструированного, более прочного и массивного. Сейчас рядом через ущелье строится еще один большой ажурный мост проходящей здесь автострады. Мы узнали, что некоторые влиятельные люди, среди них известный в Швейцарии любитель старины Мауэрер, хлопочут о восстановлении Чертова моста в прежнем виде.

Посетители ресторации — рабочие со строительства моста и автострады — тоже с интересом разглядывали картины и гравюры. Многое изменилось с тех пор вокруг. Сейчас рабочие воздвигают новый мост из стали и бетона. И, прежде чем двинуться в обратный путь, хотелось сказать доброе слово этим простым людям Швейцарии, чьи трудолюбивые и умелые руки проложили хорошие дороги в скалах, прорубили туннели в горных хребтах, построили дома, гидростанции, посадили сады, благоустроили маленькую опрятную страну.

В первой половине декабря в Москве гостила делегация чехословацких писателей, приехавшая по приглашению Союза писателей СССР. 9 декабря группа писателей Чехословакии посетила редакцию журнала «Огонек».
На снимке: Ян Пиларж, Ян Дрда, Иозеф Секера, Цтибор Штитницкий и Петер Карваш.

Фото А. Бочинина.

Халлдору Лакснессу присуждена Нобелевская премия

Всех, кто знаком с творчеством Халлдора Лакснесса, порадовало известие о присуждении ему Нобелевской премии.

Это не только признание его таланта, но и победа передовой литературы всего мира. Все творчество Лакснесса—это вдохновенная песнь о разумном, прекрасном будущем человечества. Говорит ли Лакснесс о мужественной и нежной Салке Валке, или о суровом и непоколебимом крестьянине Бьяртуре, или о доброй фрёкен Раннвейг, ставшей жертвой условностей жестокого капиталистического мира, писателем руководит одно желание: помочь простым людям добиться лучшего будущего.

Этой же благородной цели посвящена и общественная деятельность Лакснесса. Его голос звучит то сурово и требовательно, когда писатель с трибун конгрессов защиты мира призывает покончить с психозом войны, то иронически, когда он обличает писателей, которые из башни «чистого искусства» не видят проблем сегодняшнего дня. Но зато какая теплота и любовь слышны в его голосе, когда писатель говорит о своем героическом народе, о Советском Союзе, о своих соратниках по благородной борьбе за мир!

— Единственное, что может придать смысл нашим разговорам о культуре,— это мир,— заявляет он.

— Нашему поколению,— говорит писатель,— посчастливилось увидеть зарю во тьме — движение за мир во всем мире, охватившее большинство населения земного шара. Борьба за мир выбивает почву из-под ног агрессоров там, где они еще сохраняют некоторое влияние, и предвещает освобождение человечества.

Суровое в своей правде искусство Халлдора Лакснесса волнует сердца советских читателей.

Нам стали близки и понятны скупые на слова и горячие сердцем рыбаки из романа «Салка Валка», нас глубоко взволновала трагическая судьба Лоа, мы восхищены мужеством Бьяртура. Мы полюбили и самого автора. Об этом говорят и выступления рабочих завода «Компрессор» на читательской конференции, и многочисленные письма читателей, и желание маленького кружка колхозной самодеятельности деревни Липковичи поставить пьесу Лакснесса «Проданная колыбельная», и успех самой пьесы у советского зрителя.

Многочисленные друзья Лакснесса в Советском Союзе рады успеху любимого писателя.

В. МОРОЗОВА

Фото А. Гладштейна.

РИСУНКИ ИНДИЙСКИХ ДЕТЕЙ

Канака Бхатт. Рыбачки.

В Москве открылась выставка рисунков индийских детей, организованная правлением ВОКС и оргкомитетом Союза советских художников. Рисунки на выставке были отобраны редакцией индийского журнала «Шанкарс уикли», проводившей специальные конкурсы, в которых участвовали маленькие художники, в возрасте от четырех лет до пятнадцати. Живо и непосредственно, с большим темпераментом и теплотой передают дети увиденное дома, на улицах родного города или деревни.

Холм Славы

В этом году во Львове закончено сооружение одного из крупнейших на Украине памятников русской славы.

В живописной местности за городом, на возвышенном плато, рядом с Лычаковским парком, гордо возвышаются бронзовые обелиски — это Холм Славы.

Здесь были похоронены солдаты русской армии, которые погибли в боях под Львовом в 1914—1915 годах.

Сюда перенесены останки воинов Советской Армии, которые, защищая и освобождая Львов, погибли смертью храбрых в период Великой Отечественной войны в борьбе с фашистскими захватчиками. Здесь похоронены тридцать Героев Советского Союза; среди них Герой Советского Союза танкист Александр Марченко, который 27 июля 1944 года водрузил на вышку Львовской ратуши знамя победы.

Ежегодно в день Советской Армии и в годовщину освобождения Львова трудящиеся города возлагают венки на могилы воинов.

На снимке: группа студентов у главного входа Холма Славы.

В. КОРОННЫЙ

СТОЛЕТИЕ СПЕКТАКЛЯ

Сто лет тому назад, 8 декабря (26 ноября старого стиля) 1855 года, московский Малый театр впервые на русской сцене показал замечательную комедию А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского». В роли Кречинского выступал С. В. Шумский, Муромского играл М. С. Щепкин, Расплюева — П. М. Садовский. С тех пор «Свадьба Кречинского» прошла на сценах многих русских театров.

А. В. Сухово-Кобылин.

Мало кто сейчас помнит прославившийся виртуозностью исполнения спектакль в Александринском театре в Петербурге в начале нашего века, когда Муромского играл Варламов, Кречинского — один из самых выдающихся создателей этой роли, Далматов, Расплюева — Давыдов (роль эта считалась «коронной» в его репертуаре) и где все остальные, вплоть до самой маленькой, роли нашли прекрасных исполнителей.

Естественно, что, когда мне в 1949 году впервые пришлось начать работать над ролью в этом великолепном творении гениального русского сатирика, трепет охватил меня. Славная столетняя история воспроизведения «Свадьбы Кречинского» лучшими театрами нашей Родины и тот факт, что две центральные роли — Кречинского и Расплюева — исполняли корифеи русской сцены нескольких поколений, ко многому обязывали.

На помощь нам, актерам, пришел постановщик спектакля народный артист СССР В. В. Ванин. Работая над «Свадьбой Кречинского», Ванин сумел в каждой роли и в спектакле в целом найти свое, свежее решение. Спектакль, созданный Ваниным, получился яркий и острый, динамичный и темпераментный. Сам Ванин совершенно своеобразно играл Расплюева; можно сказать, в этой роли его талант засверкал всеми гранями. Его Расплюев был жалок и смешон, подл и трогателен, мерзок и трагичен одновременно. Играть с таким мастером было наслаждением.

В 1953 году «Свадьба Кречинского» в постановке Ванина была увековечена созданием одноименного кинофильма.

Михаил НАЗВАНОВ,
заслуженный артист РСФСР.

«Свадьба Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина в постановке В. В. Ванина. Расплюев—народный артист СССР В. В. Ванин, Кречинский — заслуженный артист РСФСР М. М. Названов.

Фото А. Горнштейна.

Над кратером Ключевского вулкана курятся султаны пара.

К КРАТЕРУ КЛЮЧЕВСКОГО ВУЛКАНА

А. ФИЛИПЕНКО, Б. МОСКВИН

Фото авторов.

Осенью на Камчатке проходила первая Дальневосточная альпиниада. Десятки спортсменов штурмовали вершины Ближнего Плоского (4 108 метров), Кроноцкого (3 528 метров), Корякского (3 464 метра), Авачинского (2 738 метров) вулканов. Одна из групп спортсменов проникла в долину гейзеров.

Заключительным этапом альпиниады был подъем спортсменов Хабаровска и Петропавловска на один из высочайших действующих вулканов мира — Ключевской (4 850 метров). Мы печатаем путевые заметки участников этого восхождения — мастера спорта А. Филипенко и перворазрядника Б. Москвина.

«Сибирь» — многопалубный океанский пароход — медленно входит в устье Авачинской губы. По бортам поднимаются отвесные стены прибрежных скал. За кормой остались «Три брата» — огромные камни, торчащие прямо из зеленоватой океанской воды. А там уж виден и мыс Сигнальный, где в 1854 году насмерть стояли и победили герои обороны Петропавловска. Сигнальный прикрывает собою «Ковш» — удобнейшую в мире естественную гавань, вокруг которой амфитеатром раскинулся город мореходов и рыбаков. Давно прошло время, когда прибытие парохода было целым событием в жизни города. Мощные корабли экспрессной линии Владивосток — Петропавловск приходят сюда каждую неделю. Но по-прежнему живет чудесный обычай: свободные в этот день горожане собираются у пирса, чтобы с цветами встретить вновь приехавших.

В Петропавловске много альпинистов. Да и не мудрено: здесь есть где развернуться. Прямо над городом поднимаются гигантские заснеженные конусы двух вулканов — Авачинского и Корякского.

Корякский вулкан — затухающий, а извержение Авачинского — дело сравнительно нередкое. Над его кратером белый султан пара и газов. Огромной «ступенькой» конус вулкана разделен на две половины — основание и вершину. Много тысячелетий тому назад страшный подземный взрыв снес вершину горы. Образовалась воронка до четырех километров в диаметре. Постепенно в ней вырос новый конус, складывавшийся из продуктов извержения. Так получилась «ступенька». Во время восхождений альпинисты используют ее для удобного отдыха. Отсюда открывается замечательный вид на Авачинскую губу и город, на неоглядные просторы океана и далекие заснеженные хребты.

Быстро пролетели дни походов на эти вершины. В этих походах приняли участие и сотни камчатских альпинистов. И вот уже мы в составе небольшого сборного отряда едем в район Ключевской группы вулканов. Вернее, не едем, а плывем. Сначала морем, вдоль гористого восточного побережья полуострова, потом вверх по реке Камчатке. На ее просторных плесах нам то и дело встречаются баты и кунгасы колхозных рыбаков. Кета идет!

Добываем и мы несколько многокилограммовых тупорылых рыбин. Дежурный «шеф-повар» отряда Евгений Сидорцев потрошит их. В каждой 250—300 граммов икры. Груды рубиновых шариков переливаются, искрятся на солнце. Тут же разводится тузлук — насыщенный соленый раствор. Через пятнадцать минут, вооружившись большими ложками, все уже заняты чудесным блюдом.

Село Ключи, раскинувшееся на берегу реки в 40 километрах от Ключевского вулкана, встретило нас гудением лебедок лесной биржи, скрежетом циркулярных пил лесокомбината, стуком молотков и топоров на судоверфи. Здесь, в самом сердце сурового полуострова, кипела жизнь.

Взоры всех альпинистов прикованы к вулкану. Вот она, «огнедышащая гора», грозное величие которой 200 лет назад потрясло С. П. Крашенинникова.

Готовясь к экспедиции, мы не раз перечитывали страницы классического «Описания земли Камчатки», которые знаменитый русский исследователь посвятил этому вулкану.

Ровно 20 лет назад, в 1935 году, в Ключах была основана вулканологическая станция Академии наук СССР. В день прихода отряда альпинистов в просторном, хорошо оборудованном здании открылась юбилейная научная сессия. На нее прибыли гости — ученые Москвы, Киева, Ленинграда.

Интересно рассказал нам о работе вулканологов начальник станции кандидат геолого-минералогических наук Георгий Степанович Горшков. Трудна и порой очень опасна эта работа. Как, например, определить температуру и вязкость выливающейся на поверхность земли магмы? Как взять пробы насыщающих ее газов? Чтобы проделать это, двое сотрудников станции, В. Ф. Попков и И. З. Иванов, во время одного из извержений совершили беспримерный двухкилометровый дрейф на потоке жидкой лавы. Пританцовывая в сапогах с асбестовыми подошвами на раскаленной до 300 градусов корке потока (ее толщина едва достигала трех сантиметров), ученые проводили измерения, брали пробы.

Однажды у подножия Ключевского вулкана прорвался новый кратер — «паразит». Нужно было изучить характер его извержения. Из жерла фонтаном вырывались раскаленные добела камни — вулканические бомбы. Ученые не испугались такой «бомбежки». Они сумели подобраться к кратеру и сделать ценные наблюдения.

Не многим удалось побывать на вершине Ключевского вулкана. Первым туда поднялся в 1788 году Данила Гаус.

Затем на вершине вулкана побывали в 1931 году Г. К. Семенов и В. К. Дингенс. Последнее восхождение, совершенное четыре года назад, закончилось трагически.

— Советую вам заранее изучить склоны вулкана, — заканчивая беседу, сказал Георгий Степанович и пригласил нас к стереотрубе.

Стоило только прильнуть к окулярам, и огромный конус сопки резко приблизился. Стали видны все особенности строения его поверхности. Склоны вулкана покрыты мощным ледовым панцырем. На предвершинной части вечные снега. Вершина сопки как бы срезана: там кратер. Над ним длинный белый султан пара и газов: сопка «курится».

Погожим сентябрьским утром наш небольшой караван покинул село Ключи и углубился в тайгу.

Здешняя тайга не похожа на сибирскую и даже дальневосточную. Она целиком состоит из березняка. И березы тут не те стройные деревья, что на «материке», а кряжистые, с узловатыми, покрытыми наростами сучьями. Огненно-красные от обилия ягод кусты рябины, колючие заросли шиповника закрывают снизу бело-черные корявые стволы.

Петляя среди бурелома, тропинка поднимается все выше. Остался позади березняк. Его сменили заросли ольховника, затем кедрового стланика. Чувствуется суровое дыхание гор. Сочное разнотравье долины сменяют мхи, лишайники. Чаще и чаще встречаются большие пятна не растаявшего с зимы снега. Под ногами то мельчайшая серая вулканическая пыль, то глыбы лавы, то кучи перегоревшей пористой породы, вулканический шлак.

Наконец из-за гребня выглянула крыша домика вулканологов. Еще несколько минут — и мы осматриваем жилище, в котором нам предстоит провести немало ночей. Дом невелик, здесь с трудом могут разместиться пять — шесть человек. Единственное оконце обращено к снежным вершинам Ключевской и Плоской сопок. На столике аккуратно уложен небольшой запас продуктов: кусок масла, мешочек крупы, соль. Таков неписаный таежный обычай.

Около недели провели альпинисты в высокогорном базовом лагере. За эти дни мы совершили восхождение на соседний с

Ключевским потухший вулкан — Ближний Плоский, третий по высоте камчатский вулкан. Готовясь к штурму высочайшего действующего вулкана Европы и Азии, мы разведали подходы к перевалу, откуда начинается самый трудный этап восхождения.

Наступил волнующий каждого альпиниста момент — выход на штурм вершины. Мы стоим с ледорубами в руках на небольшой ледовой площадке. Порывы холодного ветра, налетающего из-за перевала, полощут серебристые стены палаток — «памирок». Позади в хаотическом нагромождении замерли глыбы льда, чернеют глубокие трещины ледника Эрмана. Короткий треск выстрела — и в предрассветном сумраке вспыхивают зеленые брызги ракеты. Это условный сигнал вулканологам, которые наблюдают за восхождением из села Ключи.

Вытянувшись цепочкой, отряд покидает штурмовой лагерь «2800». Сначала на пути встают осыпи и скалы. Мы поднимаемся по северо-западной стороне вулкана. Снежные вершины соседних сопок сверкают в лучах солнца, а там, где поднимается наш отряд, лежат густые тени. Камни, вмерзшие за ночь в лед, не оттаивают. Поэтому опасаться камнепадов пока не приходится. Медленно, метр за метром, набираем высоту. Так же медленно, но неуклонно ползет стрелка альтиметра: 3 000 метров, 3 100, 3 200...

Движение по осыпи требует сноровки. Камни лежат очень непрочно. Стоит только сделать неосторожный шаг — и куски породы покатятся вниз, могут задеть идущего позади товарища. Здесь надо тщательно выбирать место, куда поставить ногу.

Солнечные лучи упали на скалы. Прошло немного времени, и склон словно ожил.

— Камень! — раздался вдруг предостерегающий возглас начальника отряда Николая Баженова.

Мимо нас со свистом проносится осколок породы. Следом за первым с окружающих скал стали еще и еще срываться камни. Отряд сменил направление, оставив в стороне опасное место.

Альпинистов сопровождает оператор Дальневосточной студии кинохроники Михаил Рыжов. За свою жизнь ему лишь второй раз приходится быть участником альпинистского похода. К высоте он еще не привык. Но какой же оператор откажется от съемки такого сюжета! И Рыжов карабкается по скалам с киноаппаратом за спиной, приседает над обрывистым склоном, чтобы снять удачный кадр.

Через час — другой начинаются крутые скалы. Они оказались сильно разрушенными. Днем вода от тающего льда просачивается в мельчайшие трещинки, а по ночам лед с треском, похожим на пушечные выстрелы, взрывает любые породы.

На этом участке впереди шел Евгений Сидорцев. Он взбирался, тщательно проверяя каждую опору и зацепку. Неожиданно край скалы, казавшийся незыблемым, шевельнулся, едва заметная трещина стала расти на глазах. Первой мыслью Сидорцева было отклониться в сторону. Но позади товарищи! Альпинист быстро поднял вторую руку, уперся в камень, потом навалился плечом. Товарищи заметили опасность и укрылись. Кто-то скомандовал: «Бросай!» Освобожденная глыба рухнула, вслед за ней по склону устремился град камней.

Вскоре отряд вышел на снежник. Из-под плотного снега порой выглядывает лед. Крутизна склона вынуждает подниматься способом «в три такта». Сначала альпинист вонзает впереди себя ледоруб, затем делает два коротких шага. Носки тяжелых горных ботинок с силой вбиваются в снег. Снова вонзается ледоруб, опять два коротких шага. Движения однообразны. Но и здесь могут быть неприятные сюрпризы. На этот раз такой сюрприз ждал Аскольда Битного. Одна нога его вдруг заскользила; «трикони» горных ботинок не держали на гладком льду, предательски прикрытом тонким слоем снега. Еще секунда — и падение неизбежно! Битный мгновенно перенес центр тяжести на ледоруб. Но его стальной штычок, буравя бороздку, полз по льду. Мышцы спортсмена напряглись до предела. Удержаться, удержаться!.. И, кажется, только одно огромное усилие воли помогло ему укрепиться на склоне. Оглянувшись, Битный весело улыбнулся товарищам. И тут только он заметил, что напарник его по связке, набросив веревку петлей через ледоруб, готов был в любую минуту задержать падение. Битный взмахивает ледорубом. Ледяные брызги вылетают из-под стального клюва, быстро скользят вниз крупные куски льда. Ступень за ступенью вырубаются на склоне. Подъем продолжается.

Альпинисты регулярно ведут наблюдение за приборами, фотографируют, делают записи.

К четырнадцати часам отряд достиг края «шарры» — глубокого оврага в склоне, выдолбленного за одну ночь вулканическими бомбами во время извержения 1945 года. Высота — 4 750 метров, температура — минус 6 градусов.

Кажется, что кратер рядом. С этой стороны его обрамляют крутые скалы. Огромные клубы пара и газов обильно вырываются из кратера. В воздухе чувствуется резкий запах серы.

Последняя сотня метров самая тяжелая. Движения становятся вялыми, менее точными. Это признак горной болезни. Она нередко появляется на большой высоте, там, где атмосфера разреженная. Каждый шаг дается нелегко. Через минуту — другую остановка, надо успокоить дыхание. Усилие, еще усилие... Первый из участников вступает на край кратера. Следом поднимаются остальные.

Вот она, вершина «огнедышащей горы»! Загадочное и грозное место! Немало различных предположений высказывали ученые и путешественники о том, что представляет собой кратер Ключевского вулкана. И только сравнительно недавно советским исследователям удалось спуститься в него и провести детальные наблюдения.

Кратер Ключевского вулкана — это огромная воронка диаметром до 400 метров и глубиной около 150 метров. Скалистые края ее круто обрываются. Дно кратера покрыто застывшей лавой, пеплом и вулканическими бомбами. Жерло в период затишья закупорено. Но из многочисленных трещин и расселин внутри воронки — из фумарол — бьют струи раскаленных газов и горячего пара. Иногда фумаролы действуют слабо, и тогда возможен спуск в кратер. Но обычно газы и пар, начальная температура которых достигает 300 градусов, целиком заполняют кратер.

Наш отряд поднимался на вершину в период, когда начиналось слабое извержение. Фумаролы активно действовали. Сильный ветер не в силах разорвать клубящуюся завесу пара над кратером. Попытка одного из нас спуститься вниз по веревке не имела успеха: спуск грозил удушьем. Мы ограничились тем, что сделали описание кратера, несколько фотоснимков и зарисовок, взяли образцы пород.

Альтиметр показывает 4 850 метров. Необозримая панорама открывается с этой высоты. Глубоко внизу, в белесой дымке лежит долина реки Камчатки. На юге и юго-востоке высятся вулканы Толбачик, Безымянный, Камень. Подножия их укрыты плотной ватой облаков. Прежде чем начать спуск, мы жмем друг другу руки: напряженная борьба за каждый метр высоты окончилась победой.

До вершины осталось несколько десятков метров.

Сокровища прудов

В. МОВЧАН,
член-корреспондент Академии наук УССР

В селе Музычи под Киевом еще несколько лет назад на месте красивых полноводных прудов, среди густых зарослей высокой болотной растительности пробивалась маленькая речушка. Теперь этой балки не узнать. На землях, отвоеванных у болот, громадные водоемы.

Сейчас там, где еще недавно лежали топи, цепочкой раскинулась целая система больших и малых прудов. Тут и маленькие нерестовые прудики, где самки карпа мечут икру, и глубокие пруды, в которых зимуют карпы. С появлением тепла они пробуждаются и их переносят в просторные нагульные пруды для откорма.

По воде пробегает легкая зыбь, и в ней, как в зеркале, отражаются чудесные, быстро выросшие здесь вербы.

Ныне в артели имени Шевченко имеется 13 прудов всех категорий. Обильные и устойчивые урожаи, богатое, разностороннее хозяйство обеспечивают колхозу непрерывный рост доходов. Сейчас это колхоз-миллионер. И в доходах этого хозяйства важную статью составляет рыба. Только за последние три года денежный доход артели от рыбоводства увеличился вдвое. В прошлом году колхоз получил от сбыта рыбы 175 тысяч рублей.

Водоемы в сочетании с зелеными садами и рощами живописно украшают село. Музычанские пруды и их берега стали любимым местом отдыха колхозников.

В артели имени Шевченко колхозники занимаются рыбоводством по заранее разработанному на строго научной основе плану, в дружбе с учеными. Сотрудники кафедры ихтиологии и гидробиологии Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко и отдела экспериментальной экологии рыб Института гидробиологии Академии наук УССР давно установили контакт не только с этим колхозом, но и со многими другими сельскохозяйственными артелями Украины. Первые итоги этого творческого содружества замечательны.

* * *

Пятнадцать лет тому назад наши прудовые рыбоводные хозяйства выращивали только по 2—3 центнера рыбы с одного гектара водной площади. Господствовавшая в рыбоводстве теория утверждала, что при самых лучших условиях больше рыбы вырастить и нельзя.

Советские ученые не согласились с этой теорией. Из года в год — летом и зимой — они вместе с колхозниками исследовали водоемы, вели непрерывное изучение жизни прудов и их обитателей, смело использовали науку для управления разными процессами, протекающими в водоемах. И вот результаты: создан метод комплексной интенсификации прудового рыбоводного хозяйства, благодаря которому многие колхозы и совхозы ныне выращивают рыбы в десять — пятнадцать раз больше обычного.

Что же представляет собой этот метод?

Как известно, рыбы питаются планктоном и бентосом. Любимая пища мальков карпа планктон — мельчайшие водные рачки, постоянно парящие в толще воды, как мотыльки в воздухе. Взрослый же карп как бы ввинчивается глубоко в ил пруда и оттуда добывает себе так называемые бентические организмы — личинки мотыля и червей.

Одновременно в канавках или небольших и мелких прудах выращивается живой корм — водяные рачки — дафнии, содержащие жир и много белка.

Чем обильнее и разнообразнее пища рыбы, тем скорее будет она расти. И подобно тому, как земледельцы удобряют поля и огороды, чтобы на них обильнее родились овощи и злаки, так и рыбоводы насыщают питательными веществами «почву» прудов.

Например, для развития в воде пруда мельчайших, так называемых протококковых водорослей, нужны минеральные соли — азотные удобрения. При их наличии эти водоросли, кладоцера, основная пища для водяных рачков, быстро размножаются.

Сложная биологическая цепь связывает между собой все живое население пруда. Для нормального развития его необходимы фосфор, калий, кальций и другие химические элементы. Каким же образом «сдабривают» ими воду?

В прудовом рыбоводстве существует своеобразный севооборот. Каждые шесть лет из нагульного пруда вода через гидротехническое устройство полностью спускается. За лето дно пруда высушивается, запахивается, удобряется и превращается в настоящий огород. Такой необычный огород на пруду приносит высо-

Молодые ихтиологи, окончившие Киевский государственный университет имени Шевченко, Леонид Шиян и Ольга Томиленко отбирают двухлетних чешуйчатых карпов.

Фото Н. Козловского.

кие урожаи овощей. А через год, когда дно пруда, очищенное от грубой водной растительности, обогащенное органическими веществами, полностью окультивировано, в пруд вновь пускают воду, и его заселяют рыбой.

На «стол рыб» (а им задают корм действительно на специальных кормовых столиках в кормовых местах, к которым рыбы быстро привыкают) часто подается и искусственно приготовленный корм: бобы, зерно, отруби, вареный картофель, желуди, майские жуки и многое, многое другое.

* * *

Недавно в одном киевском магазине мы наблюдали, как молодая женщина добивалась, чтобы продавец выбрал ей из бассейна самых красивых и только «королевских» карпов с раскиданной по телу большой золотистой чешуей. Продавец, пошучивая, подкинул на весы совершенно голую, без чешуи, рыбешку.

— Это что за облезлая уродина! — возмутилась женщина.

Продавец поднял в руках трепещущего карпа и громко сказал:

— Это такая порода, гражданка! И называется она голой. Рыбоводы потрудились для вас, хозяек. Уж очень удобная рыба: чистить не надо и вкусная! Покупайте!

Этим карпам по два года. Один из них (наверху) — результат межпородного скрещивания и направленного воспитания. Другой выращен в обычных условиях.

Эта новая порода карпа создана рыбоводами.

Около восьми — десяти тысяч лет назад, приручив предков современных сельскохозяйственных животных, человек постепенно изменял их природу и создал много высокопродуктивных пород. Современные культурные породы карпа — это тоже результат длительной работы человека по отбору и усовершенствованию дикого сазана в искусственных условиях.

Природа не обидела сазана ни размером, ни весом. Длина его иногда достигает одного метра, а вес — 20 килограммов. В незапамятные времена человек подметил, что сазан любит теплую пресную воду, и, начав разводить его в теплых, прогреваемых солнцем прудах, вывел высокопродуктивные породы культурного прудового карпа. Раньше его называли «королевским». Теперь в колхозных и совхозных прудах выведены зеркальный, чешуйчатый, голый, рамчатый и другие породы карпа.

Рыба эта плодовитая. Самка может дать до 1,5 миллиона икринок. Каждый колхоз и совхоз, имея всего пару рыб — самца и самку — или, лучше, одну самку и двух самцов, может заселить любое количество своих прудов. Карпу в отношении роста может позавидовать его прародич сазан. Перед Великой Отечественной войной у нас была под опытом самка зеркального карпа весом... в 38 килограммов. В условиях искусственных бассейнов она быстро привыкла к своим исследователям и охотно брала хлеб из рук человека, высовывая морду из воды.

Ныне много рыбоводов и научных сотрудников трудятся над созданием еще более продуктивных пород карпа. В прудах заповедника «Александрия» Академии наук Украинской ССР можно видеть породы карпа, который в первое же лето прибавляет в весе по 500—800 граммов вместо обычных 25—30, за второе лето — 3—4 килограмма вместо 1,5—2, а за третье лето — до 7,5 килограмма. Эти карпы отнерестились не на четвертый, как всегда, а на второй год. Таковы замечательные результаты многолетнего отбора и подбора, межпородного скрещивания, а также обильного кормления рыб.

Для лучшего использования кормовых ресурсов прудов к карпам подсаживают годовиков линя, серебряного карася и стерлядь. Совместно с карпом выращивают и гибридов — карпо-карася, карпо-сазана, а также акклиматизированных сиговых рыб: чудского сига, рипуса, пелядь. В прудах РСФСР и УССР акклиматизируются ценные амурские рыбы — белый амур и толстолобик.

Колхозники-рыбаки, рыбоводы, ученые — ихтиологи и гидробиологи—совместно решают сложные проблемы новой отрасли сельского хозяйства — прудового рыбоводства.

Вот, например, широко известное прудовое рыбоводное хозяйство колхоза имени Свердлова, Овручского района, Житомирской области. На протекающей по болотистой балке маленькой полесской речушке Норыни, не приносившей артели никакой пользы, колхозники создали большое рыбоводное хозяйство. Там, где лежали бесплодные и голые полесские болота, ныне возникли полноводные пруды, в которых кишит разная и очень ценная рыба. Пруды колхоза стали своеобразной научной базой: здесь уже несколько лет ведется большая и важная племенная работа с карпом. Тут часто можно наблюдать, как на голубой поверхности прудов появляется большое стадо племенных карпов чешуйчатой и зеркальной породы.

Заботу о племенной рыбе колхозные рыбоводы начинают с мальков карпа, отбирая лучших на племя. Такие мальки, пущенные в просторные нагульные пруды, при обильном кормлении и хорошем содержании растут значительно скорее тех, которые выращиваются на скудных кормах в запущенных прудах. Оказывается, что в зависимости от внешней среды, условий содержания и воспитания рыбы растут значительно быстрее, чем другие сельскохозяйственные животные.

Ежегодно колхозники артели имени Свердлова от сбыта рыбы получают по 300 тысяч рублей дохода. Вот что могут дать обновленные, поднятые к жизни, так называемые неудобные полесские земли.

Вот другая сельскохозяйственная артель — имени Ворошилова, Ульяновского района, Кировоградской области. В заболоченных балках, где раньше «процветал» только малярийный комар — анофелес,— ныне создано большое прудовое рыбоводное хозяйство. Этим промыслом здесь занята бригада во главе с опытным рыбоводом В. Васильевым. Пруды в степи приносят ежегодно 200—250 тысяч рублей дохода.

Большие работы по сооружению многих сотен новых прудов проведены и в засушливых и безводных степях юга и юго-востока СССР.

Дело в том, что водоносные пласты, расположенные в земле, содержат большое количество напорной воды с постоянным притоком, не зависящим от погоды и времени года. Это позволило, например, колхозу имени Мичурина, Херсонской области, наполнить пруды водой из самоизливающихся артезианских скважин. Оживает степь...

Раньше считали, что карповодством в северных районах России заниматься невозможно. Так, в частности, полагал и выдающийся русский ученый О. А. Гримм. Теперь зеркальный карп завоевал водоемы центральных областей РСФСР и Урала. Даже в Красноярском крае имеется Ужурский рыбоводный питомник. Производители карпа из этого питомника завезены в Иркутскую область.

В северных районах очень много воды, но не хватает тепла. Наука доказала, что если температура воды прудов Украины, Московской области, Урала и Сибири в вегетационный период различна, то сумма тепла воды прудов даже на Урале и в Сибири достаточна для выращивания товарного карпа.

Перспективы развития прудового рыбоводства в нашей стране огромны. Если собрать вместе все пруды Киевской области, они составят площадь немного меньше озера Ленина на Днепре. С гектара водного зеркала этого озера вылавливается 18—20 килограммов рыбы, а в прудах многих колхозов и совхозов Киевской области уже теперь выращивают по 10—15 и даже 25 центнеров.

А сколько чудесных озер лежит в пойме Днепра, Волги и других больших и малых рек Советского Союза! В таких озерах, на заливных рисовых плантациях, еще часто пустующих, можно также с успехом выращивать ценные виды рыб. На территории нашей страны множество балок, заболоченных низин и оврагов. На многих из этих, так называемых неудобных, угодьях колхозы и совхозы уже создали прекрасные рыбоводные пруды. Но это — лишь начало наступления воды на неудобные земли.

Прудовой фонд СССР может достигнуть 2 миллионов гектаров. Здесь можно вырастить 10 миллионов центнеров рыбы. Это значительно больше современной рыбопродукции Черного, Азовского, Аральского и Каспийского морей, вместе взятых. Таковы цифры, над которыми следует призадуматься.

«Мокрый снег»

Обзор писем читателей

В № 37 журнала «Огонек» был напечатан рассказ молодой писательницы В. Устиновой «Мокрый снег».

Рассказ этот вызвал много откликов.

В. Денисенко из Запорожья пишет:

«Я хочу хоть скромным письмом отблагодарить вас, дорогая товарищ Устинова, за ваш рассказ и, если можно, передать через вас искренний привет и пожелание счастья героине вашего рассказа Ольге Николаевне. Ее жизнь, ее работа вдохновляют; ваше же желание достичь своим рассказом тайников душ читателей сбылось».

Е. Шиман и З. Демкова в письме в адрес автора радуются тому, что они «прочитали о врачах написанное так хорошо, тепло и сердечно».

Врач М. Гираер из Красноярска говорит, что автору удалось показать благородное чувство радости, которое охватывает врача, когда ему удается вылечить больного ребенка.

«Мы, врачи 3-го объединения г. Красноярска, с большим удовлетворением читали «Мокрый снег». Особенно понравился рассказ участковым врачам: они увидели себя, как в зеркале».

Детский врач из Киева А. Веревка пишет:

«Очень тяжелый наш труд, но как хорошо бывает, когда видишь вырванного из рук смерти ребенка! Тогда забываешь о трудностях и пережитых огорчениях. Большое спасибо, что поместили этот рассказ».

Один из читателей «Огонька» в своем письме говорит:

«Создается впечатление, что сама писательница была на месте своей героини: так глубоко проникла она во внутренний мир советского человека и так правдиво показала нелегкий, но почетный и благородный труд врача. С нетерпением буду ждать ее новых работ».

Зулейха Гашимова из Сталинабада просит передать автору рассказа сердечный привет.

«Все в ее рассказе верно и, главное, отображает то, что есть в действительности».

Есть и другого рода отклики. Жена полковника Сазыкина, подполковник запаса Латунин, Г. Штром и полковник Шапиро упрекают автора в том, что она «извращенно показывает быт военнослужащих».

Речь идет о жене полковника — барыньке.

«Есть и такие жены, как описал автор, но это не характерно, такие — единицы»,— пишут эти читатели.

Нам хотелось бы заметить авторам этих писем, что они совершенно ошибочно один эпизод рассказа приняли за основной стержень произведения.

Оружием сатиры

И. Грабовский. Долой!!! («Пулемет» № 1, 1905 год).

С. Чехонин. «Наша конституция, просят не дуть» («Зритель» № 14, 1905 год).

И. Билибин. «Осел» («Жупел» № 3, 1906 год).

С первыми раскатами революционной грозы 1905 года художники, сочувствовавшие демократическому лагерю, включились в активную политическую борьбу на стороне народа, помогая своим творчеством пробудившимся массам.

В сатирических журналах того времени «Пулемет», «Жало», «Зритель», «Жупел», «Адская почта», «Леший» появились замечательные по обличительной силе карикатуры, проникнутые непримиримой ненавистью к самодержавному строю, зовущие к решительной и беспощадной борьбе с царским режимом.

Умело обходя цензурные рогатки, художники-сатирики находили верные пути к сердцу и разуму простого человека. К тому же в ту пору многое понималось с полуслова, с полунамека.

Вот, например, бесхитростный рисунок И. Грабовского: студент на трибуне. Под ним лаконичная подпись: «Долой!!!» Остальное читатель сам договаривал за автора.

Так же понятен был и другой рисунок того же художника: «Его Рабочее Величество Пролетарий Всероссийский».

Не требовала комментариев графика художника И. Билибина, нарисовавшего в нарядной рамке, применявшейся только для царских портретов... осла.

Рисунок Д. Кардовского «Ну, тащися, сивка!» напоминал, что во многих районах страны крестьяне отказывались обрабатывать помещичью землю даже за плату. Нужно было вмешательство казаков, чтобы силой заставить крестьян работать на помещика.

М. Чемоданов (Червь) в своем рисунке-фельетоне «Старая басня на новый лад» ярко показал предательскую роль либеральной буржуазии, пытавшейся за спиной пролетариата — гегемона революции—сторговаться с царским правительством.

Незабываемы гневные сатирические рисунки мастеров живописи М. Добужинского «Октябрьская идиллия» и В. Серова «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава?». Последний сделан художником с натуры, из окна мастерской гравера, профессора Матэ в Петербурге.

М. Добужинский. Октябрьская «идиллия» («Жупел» № 1, 1905 год).

Ниже воспроизводятся некоторые наиболее известные сатирические рисунки художников эпохи первой русской революции.

Н. СЕКУНДОВ

В. Серов. «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава?» («Жупел» № 1, 1905 год).

И. Грабовский. Его Рабочее Величество Пролетарий Всероссийский («Пулемет» № 2, 1905 год).

Д. Кардовский. «Ну, тащися, сивка!» («Жупел» № 3, 1906 год).

М. Чемоданов (Червь). Рисунок. 1905 год.

Автор не указан. Ходок в думу. («Шершень» № 20, 1906 год). **Селяне.** Ну що? Привіз нам землю? **Посол до Державної Думи.** Скільки в Петербурзі дали, стільки й привіз.

Дерево-сад

Сотрудница Сочинской агрометеостанции А. Немых осматривает первые плоды дерева-сада.

Фото Г. Васильева.

Это дерево мы выращивали как наглядное живое пособие. Очень удобно показать на одном растении все произрастающие в наших садах виды и сорта цитрусовых.

Рядом с плодами-гигантами помпельмуса ОЮ, которые достигают 12—15 сантиметров в диаметре, висят плоды кин-кана, не превышающие по своим размерам вишню. Японские мандарины, итальянские лимоны, американские грейпфруты растут в окружении новых сортов, выведенных на Сочинской опытной станции.

Двадцать три разных вида и сорта цитрусовых произрастают в кроне этого дерева.

— Да это не дерево, а целый сад! — воскликнул один изумленный экскурсант.

Случайно сорвавшаяся с уст посетителя фраза оказалась живучей, за этим растением так и закрепилось название «дерево-сад». Теперь оно известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Французские писатели — супруги Веркор,— осмотрев «дерево-сад», высказались так:

— Первый раз в жизни мы обошли целый сад, не сходя с места.

Один из членов датской сельскохозяйственной делегации, осмотревший растение, снял шляпу и поклонился ему.

Чехословацкий садовод Стагран, побывавший в селекционном саду Сочинской опытной станции, сказал:

— Я учился в институте города Брно, того самого города, где проводил свои опыты с горохом Грегор Мендель. Теперь я создам на своей родине мичуринское дерево-сад.

Достопримечательностью оригинального растения являются не только разные виды и сорта, произрастающие в кроне, но и то влияние, которое они оказывают друг на друга. В одном организме соединены не мертвые тела, а представители живой природы, в которых протекают сложнейшие биологические процессы по обмену веществ.

И если они происходят в одном привитом компоненте, то они не могут в какой-то степени не оказывать влияния на другие сорта и виды, растущие вместе с ним: меняются окраска, размер и форма плодов, сроки их созревания и даже морозостойкость.

В 1954 году на одну из веток была привита цветочная почка гибрида апельсина с мандарином. В 1955 году она превратилась в большой округло-овальный плод со слегка бугорчатой золотисто-оранжевой кожей. Этот плод не имеет ни одной своей веточки, ни одного листочка и тем более корней. Его выкормили и вспоили все двадцать три сорта, произрастающие на дереве-саде. Можно предполагать, что из семян этого плода вырастут растения с признаками наиболее сильных своих сортов — кормильцев. Подобные растения у нас уже есть.

Вот одно из них. При этом следует оговориться, что на нем не сделано ни одной прививки. Растение выросло из семени. И все же одни его ветки похожи на ветки апельсина, другие — на ветки кин-кана (морозостойкое цитрусовое растение с мелкими плодами) и третьи — на трифолиату (дикий лимон). Если бы одна часть веток яблони образовала плоды груш, другая — яблоки, то это было бы примерно аналогичное явление.

К дереву-саду ведет аллея вегетативных гибридов. Здесь есть растения, которые вдоль — от корня до вершины — расщеплены пополам и сращены с другими сортами и видами цитрусовых. Каждое из этих растений очень интересно не только своими внешними признаками, но и теми глубокими биологическими изменениями, которые происходят в них в результате порой очень сложных хирургических воздействий.

Ф. ЗОРИН,
кандидат сельскохозяйственных наук.

В этом номере на вкладках: репродукции картин Г. К. Савицкого «Всеобщая железнодорожная забастовка», А. М. Руднева «Митинг на заводе «Красный факел», Ю. П. Кугача «Баррикады», сатирические плакаты Н. А. Долгорукова и четыре страницы цветных фотографий.

Два солноворота

Астрономы отмечают солнцестояния 22 июня и 22 декабря как дни самого высокого и самого низкого стояния солнца. В народном календаре они известны под названием солноворотов — поворотов солнца на убыль или прибыль дня — и отмечаются 12 июня и 12 декабря по старому стилю. Сейчас они приходятся на двадцать пятые числа, но народный календарь складывался столетиями, и, по-видимому, было время — XVI и XVII века,— когда солновороты совпадали с солнцестояниями: разница между старым и новым стилем составляла в каждом из этих столетий десять дней.

На Руси с солноворотами был связан любопытный обычай. Как гласит предание, в XVII веке звонарный староста Успенского собора 12 июня допускался к царю для донесения о годовых суточных переменах и объявлял, что «отселе возврат солнцу с лета на зиму, день умаляется, а нощь прибавляется».

Кончалась самая привольная пора — пора свежей зелени, птичьих песен и коротких, короче воробьиного носа, так называемых воробьиных ночей, когда воробей не успеет завести глаза, а уже снова светает.

Староста был не виноват в том, что «день умалялся», принесенная им весть не являлась неожиданной, однако она не становилась от этого приятнее, и на нее надо было как-то реагировать. Царь реагировал по-своему: приказывал запереть старосту на сутки в темную палатку на Ивановской колокольне.

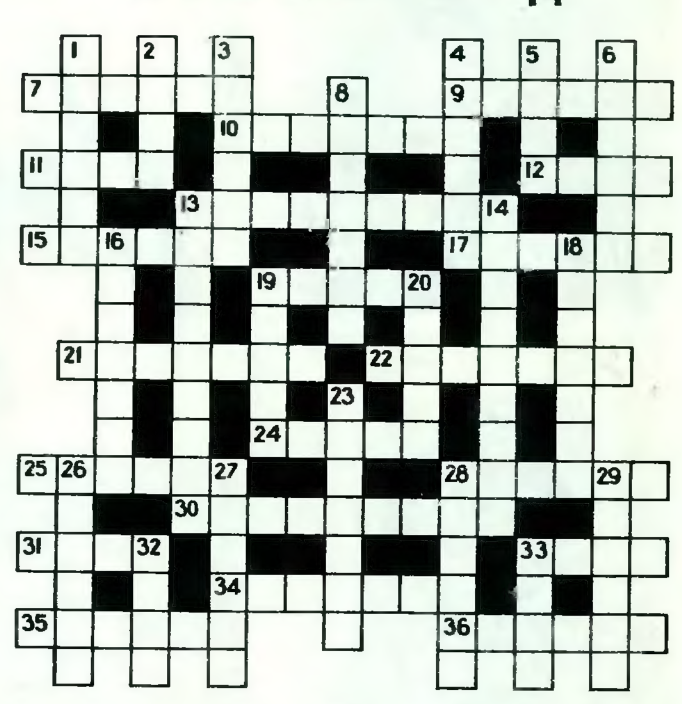
Совсем иное отношение звонарный староста встречал через полгода. 12 декабря он опять являлся к царю с известием, что «отселе возврат солнцу с зимы на лето, день прибывает, а нощь умаляется».

Хотя зима еще грозилась морозами, в сплошной облачности начинала проглядывать синева и, как утверждал народный календарь, в предчувствии весны медведь переворачивался в своей берлоге с одного бока на другой. Не за горами были оттепели, все было в будущем, с каждым днем все более многообещающем.

Весть об этом, принесенная звонарным старостой, была, конечно, приятна. За эту весть и, вероятно, за то, что староста полгода тому назад подвергался сраму и целые сутки за здорово живешь сидел в темной на колокольне, царь жаловал ему двадцать четыре серебряных рубля.

Б. АЛЕКСЕЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Ученый. 9. Возвышенность на водоразделе Волги и Дона. 10. Увеличение в объеме, количестве. 11. Герой народного эпоса южных славян. 12. Часть биллиарда. 13. Склонность к определенному делу, профессии. 15. Французский философ, физик, математик, физиолог. 17. Крыша. 19. Мельничная машина для очистки зерна. 21. Дисциплина в высшей школе. 22. Город в Болгарии. 24. Мера веса в Китае и Японии. 25. Кормовой злак. 28. Математическая величина. 30. Певучесть, мелодичность. 31. Участок канала между двумя шлюзами. 33. Действующее лицо в повести «Вий» Н. В. Гоголя. 34. Город в Индии. 35. Птица из семейства аистовых. 36. Денежная единица Монгольской Народной Республики.

По вертикали:

1. Наука. 2. Залегания горных пород, полезных ископаемых. 3. Вид внешней торговли. 4. Металлорежущий инструмент. 5. Часть плоскости между двумя линиями. 6. Продукт переработки каменноугольной смолы. 8. Направление, перпендикулярное к курсу судна. 13. Сельскохозяйственный работник. 14. Рыба из семейства камбал. 16. Древовидное растение каменноугольного периода. 18. Лечебный препарат. 19. Спортсмен. 20. Герой швейцарской народной легенды. 23. Озеро в системе Великих озер в Америке. 26. Китайский порт. 27. Помещение на судне. 28. Орудия лова. 29. Автономная республика. 32. Чаша, кубок. 33. Состязания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

4. Революция. 7. Завод. 8. Флора. 9. Мороз. 10. Кожух. 11. Малахит. 12. Байкал. 14. Пресня. 15. Траверс. 18. Томский. 23. Вектор. 24. Корма. 25. Азалия. 26. Устье. 27. Крона. 28. Нона. 30. Нева. 32. «Татра». 33. Совет. 34. «Пулемет».

По вертикали:

1. Героизм. 2. Альманах. 3. Диалект. 5. Баррикада. 6. Дружинник. 13. Листовка. 14. «Потемкин». 16. Ротатор. 17. Верден. 19. Стачка. 20. Иваново. 21. Депутат. 22. Писарев. 29. Окоп. 31. Винт.

Изошутка Л. Самойлова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

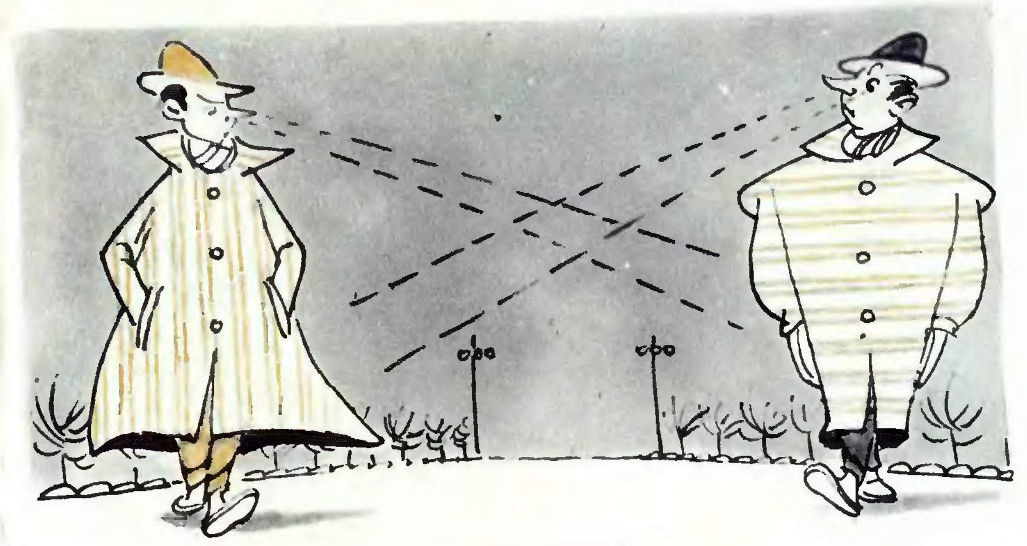
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 07204. Подп. к печ. 13/XII 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 1031. Заказ 3225. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Моды

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Кто модиее!

— Долго ты будешь ходить таким непричесанным?..

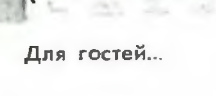

Последний крик моды...

Для гостей...

...Для себя.

В погоне за модой.

МИНИСТЕРСТВО ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

Купоны и ткани выпускаются в разнообразном ассортименте